E13
377.

E13 — 377

А. А. Шахматовъ.

ОПИСАНІЕ

ЛѢКИНСКАГО ГОВОРА

ЕГОРЬЕВСКАГО УѢЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

Отделение Русского языка и словесности Имп. Акад. Наук. Постоянная Слов. Комиссія

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

№ 211

9 ГА В
Ц-31
Е13 — 377

А. А. Шахматовъ.

ОПИСАНІЕ

ЛѢКИНСКАГО ГОВОРА

ЕГОРЬЕВСКАГО УѢЗДА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

Словарный отд. И-та Языка и Мышл. АН СССР 1434
1090
Отделения Русского языка и словесности
Постоянная Словарная комиссия
АН С.С.С.Р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1914 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 27607 1966

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVIII (1913 г.), кн. 4.

Описаніе Лѣкинскаго говора Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи.

(Посвящается профессору Олафу Броку).

Деревня Лѣка (по оффиціальному правописанію Лека) находится въ Лѣкинской волости, въ приходѣ Казанской церкви, въ восточной части Егорьевскаго уѣзда, на берегу озера Дубового. Мѣстность за этимъ озеромъ, составляющимъ одно цѣлое съ Свять-озеромъ, принадлежитъ къ Касимовскому уѣзду. Къ сѣверу отъ Лѣки, верстахъ въ двадцати, проходитъ граница Судогодскаго уѣзда Владимірской губерніи; приблизительно въ такомъ же разстояніи къ югу идетъ граница Рязанскаго уѣзда. Желѣзнодорожная станція Черусти Московско-Казанской дороги (вѣтка Люберцы-Арзамасъ) лежитъ въ Судогодскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ Лѣки верстахъ въ двадцатипяти; станція Спасъ-Клепики узкоколейной Рязанско-Владимірской желѣзной дороги находится въ Рязанскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ Лѣки верстахъ въ двадцати по зимнему пути черезъ озеро. Отъ Егорьевска до Лѣки верстъ семьдесятъ. Лѣкинская и прилегающая къ ней Архангельская волости носятъ названіе Ялматъ, Ялмотъ; ср. названіе рѣчки «Ялма», протекающей въ этихъ мѣстахъ и впадающей въ рѣку Пру; Пра беретъ начало изъ озера Дубового и течетъ въ Оку. Ялматскія селенія, связанныя въ глубокой древности принадлежностью къ одному приходу (Николо-Ялматскому, выдѣлившему изъ себя три новыхъ прихода: Архангельскій, Казанскій и Пятницкій), объединяются и теперь еще общимъ промысломъ ихъ жителей: это преимущественно плотники; мужское населеніе уходитъ

на свой промыселъ въ Московскую и сосѣднія съ нею губерніи. Сознавая свое единство, Ялматчане рѣзко отличаютъ себя отъ жителей сосѣднихъ волостей, расположенныхъ къ востоку и югу: за озеромъ Дубовымъ живутъ «Мамáи»—это, вѣроятно, старое названіе для татарскаго населенія Касимовскаго края; далѣе «Тумаки» (жители Тумы) и «Куршаки» (жители Куршева), рѣзко отличающіеся отъ жителей Ялмата своимъ говоромъ; въ Спасъ-Клепикахъ—«Баляки» или «Поляки»; послѣднее названіе извѣстно и въ Спасъ-Клепикахъ; оно объясняется тамъ (напр. въ деревнѣ Первушкиной) тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть Спасъ-Клепиковской волости принадлежала Смоленскому помѣщику Вонлярскому. Любопытно, что въ Судогодскомъ уѣздѣ (село Пустоша) жители увѣряютъ, что «искренне-русскіе» они, Судогодцы, а что въ Ялматѣ и дальше живетъ «Литва». Совершенно ясно, что издревле Ялматъ опредѣлялся съ трехъ сторонъ, сѣверной, восточной и южной, этнографическими границами, между тѣмъ какъ съ запада населеніе Ялмата сливалось съ однороднымъ населеніемъ другихъ частей Егорьевскаго уѣзда. Теперь эта граница рѣзко опредѣляется звуковыми особенностями живой рѣчи: на сѣверѣ, въ Судогодскомъ уѣздѣ, окаютъ, между тѣмъ какъ въ Ялматѣ акаютъ, на югѣ, въ Спасъ-Клепикахъ, произносятъ фрикативное γ вмѣсто господствующаго въ Ялматѣ мгновеннаго g. Отличія болѣе восточныхъ говоровъ остались для меня не выясненными, но я имѣю въ виду рѣшительныя утвержденія жителей Ялмата о томъ, что за озеромъ говорятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у нихъ[1]).

Едва ли говоръ всего Ялмата представляетъ языковое единство. Оставляя въ сторонѣ неравномѣрное вліяніе московскаго нарѣчія на мужское и женское населеніе, причемъ послѣднее сохранило старыя черты говора, постепенно вытѣснявшіяся въ мужскомъ населеніи, отмѣчу, что и среди мужского населенія далеко не всѣ говорятъ по-московски.

---

1) Говорятъ, что въ Тумѣ смѣшиваютъ ж и з, ш и с: Яγор жа ижгародай. Ср. наблюденія Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань. 1896. Впрочемъ, эту же черту приписываютъ Спасъ-Клепиковскимъ балякамъ; я ея у нихъ не замѣтилъ; въ Ялматѣ ихъ пересмѣиваютъ такъ: Гдѣ былъ? «На Шпаси». А што купилъ? «Тиш'ёлку» (теслу). На што? «Мат' памерла, в гроп не влаза, хачу јејó (т. е. јеγо, вмѣсто јево) немношка пат'ешат'».

Отдѣлавшись въ большинствѣ случаевъ отъ поканья (произношенія *ц* вмѣсто *ч*), упорно держащагося у бабъ, многіе мужчины сохраняютъ типичныя особенности мѣстнаго говора (напримѣръ, *ф* вмѣсто *х* въ концѣ слога, узкое *е* передъ отвердѣвшимъ *ц*, мягкое *к* послѣ мягкой согласной предшествующаго слога); но нѣкоторые изъ нихъ успѣли освободиться отъ этихъ чертъ, въ особенности учившіеся въ школѣ и жившіе подолгу въ городахъ. Возможно, что и мѣстныя особенности представляютъ діалектическія различія: такъ по сообщенію жителей Лѣки въ Перхуровѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Лѣки, говорятъ на *и*, а именно произносятъ *и* въ слогѣ предударномъ на мѣстѣ открытаго *е*: въ Лѣкѣ говорятъ пе́ром, несу съ открытымъ *е*, въ Перхуровѣ пи́ром, ни́су.

Нижеслѣдующія наблюденія были произведены мною въ теченіе двухъ кратковременныхъ пребываній въ Лѣкѣ, сначала въ концѣ декабря 1912 года, а потомъ въ началѣ апрѣля 1913 г. Производились они при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что мнѣ случайно пришлось познакомиться и затѣмъ сблизиться съ однимъ изъ жителей деревни Лѣки Иваномъ Степановичемъ Гришкинымъ, оказавшимъ мнѣ весьма значительныя услуги въ моей работѣ. Сначала И. С. Гришкинъ, пригласивши меня остановиться въ своемъ домѣ, далъ мнѣ возможность произвести наблюденія надъ говоромъ нѣсколькихъ старыхъ женщинъ и записать отъ нихъ нѣсколько сказокъ и пѣсенъ. Потомъ, заинтересовавшись моею работой и путемъ распросовъ узнавъ, въ чемъ состоитъ ея смыслъ, И. С. Гришкинъ сообщилъ мнѣ нѣсколько своихъ наблюденій надъ звуками Лѣкинскаго говора и отношеніемъ ихъ къ письменнымъ изображеніямъ. И. С. Гришкинъ имѣетъ отъ роду 29 лѣтъ; кончилъ Лѣкинское начальное училище; чтеніемъ и размышленіемъ достигъ весьма значительнаго развитія; отхожій промыслъ—онъ плотникъ—далъ ему случай побывать на работѣ и въ Москвѣ, и въ Саратовѣ, и въ Твери, и даже въ Сибири; онъ не утратилъ жажды къ просвѣщенію и знанію; интересуется особенно естественными науками; началъ изучать нѣмецкій языкъ.

Когда я обратилъ вниманіе И. С. Гришкина на то, что въ его произношеніи я въ двухъ словахъ «кофта» и «почта» слышу на мѣстѣ *о* дифтонгъ *ŭо* (кŭофтă, пуоштă), онъ выразилъ удивленіе по поводу

того, что я не слышу *ŭo* и въ рядѣ другихъ словъ, напримѣръ, въ словахъ вŭоткă (водка), кŭожă, пŭоп, Пŭолă, нарŭот въ противоположность словамъ, какъ воду, полă, сон, кост, гдѣ слишится простое *о*). Долго я не могъ схватить этого звука въ произношеніи Гришкина; я не слышалъ въ приведенныхъ словахъ ни дифтонга *ŭo*, ни закрытаго (напряженнаго) *о*, которое, какъ я зналъ изъ изслѣдованія О. Брока о Тотемскомъ говорѣ[1]) и изъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, чередуется съ дифтонгическимъ произношеніемъ *о*. Между тѣмъ мои распросы убѣждали меня въ томъ, что въ произношеніи Гришкина звукъ, опредѣляемый имъ какъ *ŭo*, *уо*, а для краткости называемый придуманнымъ имъ терминомъ «фальшивое *о*», является въ тѣхъ самыхъ словахъ, въ тѣхъ самыхъ фонетическихъ положеніяхъ, въ какихъ онъ отмѣченъ, съ одной стороны, О. Брокомъ для Тотемскаго и В. Мансикка для Грязовецкаго говора, а съ другой, нѣкоторыми записями изъ Вятской, Воронежской, Курской губ. и нѣкоторыми сообщеніями изъ Костромской, Рязанской, Тульской и др. губерній. Моя лингвистическая бесѣда съ Гришкинымъ стала еще оживленнѣе, когда онъ самъ поставилъ мнѣ вопросъ, слышу ли я въ его произношеніи различіе между звуками, соотвѣтствующими буквамъ *е* и *ѣ*. Признаюсь, я этого различія также не могъ разслышать въ первый мой пріѣздъ въ Лѣку, но убѣдился тогда же въ томъ, что особый отъ *е* звукъ Гришкинъ произноситъ только въ положеніи подъ ударéніемъ въ соотвѣтствіи съ этимологическимъ *ѣ*; самъ Гришкинъ утверждалъ, что *е* и *ѣ* различаются въ произношеніи не всегда, но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (онъ не сумѣлъ обобщить эти случаи понятіемъ объ ударяемости). Тщательная повѣрка отдѣльныхъ случаевъ показала, что наблюденіе Гришкина не стоитъ въ связи съ какимъ либо искусственнымъ построеніемъ (основаннымъ на фактахъ письма), ибо онъ утверждалъ, что слышитъ этотъ особый звукъ иногда и тамъ, гдѣ на письмѣ ему соотвѣтствуетъ буква *е*, напр. въ словѣ мѣлкăй, а также въ словахъ лѣнтă, карѣтă, табурѣткă; напротивъ, *е*, а не *ѣ*, въ словѣ ретькă, гдѣ этимологически оправдывается звукъ *е*, въ словѣ хмель и

1) О. Брокъ, «Описаніе одного изъ говоровъ Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи» въ Сборн. Отд. р. яз. и сл., т. 83.

др. И. С. Гришкинъ сообщилъ мнѣ, что наблюденіе надъ существованіемъ двухъ *о*, одного «настоящаго», другого «фальшиваго» въ своемъ произношеніи онъ сдѣлалъ давно, еще въ школѣ, причемъ его удивляло, почему два разныхъ звука изображаются одной буквой; по его воспоминаніямъ, и его товарищей по школѣ затрудняла необходимость произносить одинаково (согласно съ требованіемъ письма) два разныхъ звука; это затрудненіе было замѣчено учителемъ, который посовѣтовалъ читать *о* различно, сообразно съ различнымъ его произношеніемъ. Рѣзкое отличіе *ѣ* отъ *е* облегчало Гришкину, по его словамъ, правильное различеніе буквъ *е* и *ѣ* на письмѣ. Сильно заинтересовавшись сообщеніями Гришкина, я съ радостью принялъ его предложеніе прислать мнѣ описаніе свадебнаго обряда, наблюдаемаго въ Ялматѣ; онъ обѣщалъ различить въ своей записи «фальшивое *о*» отъ настоящаго, а также *е* и *ѣ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое различеніе свойственно его произношенію.

Въ серединѣ января я получилъ это описаніе и убѣдился въ томъ, что Гришкинъ дѣйствительно сохраняетъ особое произношеніе *о* (близкое къ *ŭо*) вездѣ, гдѣ на него указываютъ другіе говоры и теоретическія соображенія: этотъ звукъ Гришкинъ предполагалъ сначала передавать церковнославянскою буквою ѹ, но передалъ его буквой *о* съ надписаннымъ надъ нею *у*, отказавшись отъ предложенной мною передачи его черезъ *уо*, такъ какъ «фальшивое *о*»—это одинъ звукъ, а не два. Въ своей записи Гришкинъ буквой *ѣ* передалъ послѣдовательно тотъ звукъ, который подъ удареніемъ восходитъ къ этимологическому *ѣ*, а также въ нѣкоторыхъ словахъ изъ книжной рѣчи—къ *е* (карѣта, лѣнта). По моей просьбѣ Гришкинъ сталъ продолжать записывать, и въ скоромъ времени я получилъ отъ него нѣсколько сказокъ и пѣсенъ. Во всѣхъ этихъ записяхъ Гришкинъ старался вообще точно передавать слышимые имъ звуки: такъ онъ почти систематически ставилъ надъ буквой *а* въ слогѣ неударяемомъ и не предударномъ, а также и неконечномъ букву *ы* съ знакомъ *, или рѣже букву *э* съ знакомъ *, обозначая такимъ способомъ звукъ редуцированный или неполнаго образованія; звукъ *г* взрывное Гришкинъ систематически изображалъ черезъ *г* съ надписаннымъ надъ нимъ *х* со знакомъ ‾, отмѣчая этимъ, какъ онъ объяснялъ потомъ, что *г* произносится безъ придыханія, несходно съ *х*; нерѣдко

имъ обозначалась мягкость согласныхъ, какъ церʲти, царевʲни. Словомъ Гришкинъ стремился дать фонетическую запись своей рѣчи, отчасти отступая въ сторону произношенія старшаго поколѣнія, напр. проводя *ц* на мѣстѣ *ч*, между тѣмъ какъ цоканіе ему чуждо.

Въ началѣ апрѣля я рѣшилъ повидаться съ Гришкинымъ, чтобы при его помощи произвести еще рядъ наблюденій надъ Лѣкинскимъ говоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я провѣрилъ всѣ его записи и исправилъ ихъ особыми отмѣтками, согласно съ его указаніями и дѣйствительнымъ его произношеніемъ; въ его присутствіи я велъ разговоры съ деревенскими жителями, преимущественно со старыми женщинами: это давало мнѣ возможность тутъ же наносить мои наблюденія на бумагу. Кромѣ того я подробно остановился на звукахъ *ӱо* и *ъ* въ произношеніи Лѣкинскихъ крестьянъ и, кажется, достигъ того, что сталъ вѣрно воспроизводить звукъ *ӱо*; произношеніе *ъ* давалось мнѣ труднѣе. Вмѣстѣ съ Гришкинымъ я составилъ списокъ словъ, гдѣ въ его говорѣ слышатся *ӱо* и *ъ*; впрочемъ, особый списокъ словъ съ *ъ* Гришкинъ приготовилъ для меня кромѣ того самъ.

Въ основаніе сообщаемаго здѣсь описанія положены мои записи. Но самое существенное заимствовано изъ того письменнаго и устнаго матеріала, который доставилъ мнѣ И. С. Гришкинъ. Приношу ему мою глубокую благодарность. Безъ его помощи я не разобрался бы въ особенностяхъ Лѣкинскаго говора.

Я рѣшился обнародовать свое описаніе между прочимъ по тому особенному интересу, который говоры, подобные Лѣкинскому, представляютъ для исторіи образованія великорусскаго нарѣчія: здѣсь слились въ одно стройное цѣлое особенности сѣвернорусскія (сѣвернорусскій консонантизмъ) съ особенностями среднерусскими или восточнорусскими (восточнорусскій вокализмъ) [1]).

---

1) Въ транскрипціи держусь буквъ русскаго алфавита; дополняю ихъ буквами: *ω* для звука между *у* и *о* (въ отдѣльномъ видѣ произносящагося какъ *уо*), *ɑ* для редуцированнаго глухого звука, *γ* для фрикативнаго *г*, *j* для неслогового *и*, буквой *ѣ* означаю звукъ средній между *и* и *е*; буквой *ă*—редуцированный звукъ болѣе открытый, чѣмъ *ɑ*; мягкость согласныхъ обозначается знакомъ надъ буквой.

Фонетика.

Гласныя звуки.

Въ Лѣкинскомъ говорѣ извѣстны гласныя полнаго и неполнаго образованія. Первыя находимъ какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи, вторыя въ неударяемыхъ слогахъ и также въ слогахъ слабоударяемыхъ.

Гласныя полнаго образованія.

Сюда относятся гласныя задняго ряда: а, о, о̂, ω, ω̂, у; гласная средняго ряда: ы; гласныя передняго ряда: ä, е, ê, ѣ, ѣ̂, и. Изъ нихъ гласныя ä, о, о̂, ω, ω̂, ѣ, ѣ̂, ê извѣстны только подъ удареніемъ. Остальныя гласныя извѣстны какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи. Впрочемъ, звуки *а* и *е*, кромѣ ударяемаго слога, встрѣчаются вообще только въ слогѣ предударномъ, а звукъ *а* кромѣ того еще въ началѣ слова въ слогахъ третьемъ и дальнѣйшемъ отъ ударенія. По общему правилу гласныя неударяемыя произносятся короче, чѣмъ подъ удареніемъ. Слѣдовательно, рядомъ съ ударяемыми *у*, *и*, *ы* извѣстны въ неударяемомъ положеніи краткія (и вмѣстѣ съ тѣмъ не напряженныя) *у*, *и*, *ы*; рядомъ съ ударяемыми *а*, *е* извѣстны въ неударяемомъ положеніи, а именно въ предударномъ слогѣ, краткія *а*, *е*; краткое *а* извѣстно въ началѣ слова также и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ, не только предударномъ.

— Звукъ *а* подъ удареніемъ соотвѣтствуетъ общерусскому *а*: даст, бумагу, с'ир'еда, знаjу, заиц; послѣ мягкой согласной: п'атαj, м'асα. Точнѣе было бы говорить о нѣсколькихъ различныхъ звукахъ въ этихъ и подобныхъ словахъ: болѣе задній оттѣнокъ и притомъ закрытый (напряженный) передъ *л*, напр. дал, знал; болѣе передній передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ: ср. *а* въ брат' при болѣе заднемъ *а* въ брат; болѣе передній оттѣнокъ имѣетъ *а* и послѣ мягкихъ согласныхъ: р'ат. Эти оттѣнки тождественны съ тѣми, которые свойственны обычному литературному произношенію. Въ положеніи между мягкими согласными *а* замѣняется звукомъ передняго ряда ä: з'ä'т', п'ät', который въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ ê: ап'ê'т, м'ê'чик.

Неударяемое *а* ограничено въ своемъ употребленіи, съ одной стороны, положеніемъ не послѣ мягкихъ согласныхъ (послѣ нихъ находимъ вмѣсто *а*—*е*), съ другой, положеніемъ послѣ твердой согласной только въ предударномъ слогѣ. Соотвѣтствуя какъ общерусскому *а*, такъ и общерусскому *о*, звукъ *а* неударяемое является такимъ образомъ, во-первыхъ, въ слогѣ предударномъ: замо́к, траву́, сама, праси́, стаjа́т, нашу́, сирата, галава; во-вторыхъ, въ началѣ слова (какъ въ предударномъ, такъ и въ другихъ неударяемыхъ слогахъ): аддаj, астаф́, аднавш, атпусти́т, ацлужыл.

— Звукъ *о*, такъ же какъ въ московскомъ нарѣчіи, извѣстенъ только подъ удареніемъ, но ограниченъ въ своемъ употребленіи условіями, чуждыми названному нарѣчію; а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ восходитъ къ исконному, общерусскому *о*, въ соотвѣтствіи съ этимъ звукомъ находимъ не только *о*, но и ш, при чемъ условія появленія *о*, съ одной стороны, ш, съ другой, не могутъ быть опредѣлены изъ современныхъ звуковыхъ отношеній; они ведутъ насъ къ акцентнымъ отношеніямъ древнерусскаго языка, выясняющимся путемъ сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ. Изслѣдованіе этихъ отношеній и выясненіе ихъ связи съ распаденіемъ исконнаго *о* на два звука: *о* и ш—не можетъ входить въ задачу предлагаемаго діалектологическаго описанія, и я ограничиваюсь констатированіемъ фактовъ. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что ударяемое *о* восходитъ, во-первыхъ, къ исконному *о*, во-вторыхъ, къ другимъ общерусскимъ звукамъ (а именно къ ӧ изъ *е* послѣ мягкой согласной, къ ъ и къ ы). Приведу примѣры для звука *о* различнаго происхожденія.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго *о* по общему правилу является только въ начальномъ слогѣ слова. Располагаю примѣры по нѣсколькимъ категоріямъ для сопоставленія ихъ съ примѣрами для звука ш, которые дамъ ниже.

Существительныя:

Слова муж. и женск. р., односложныя въ имен. ед.: нос, вор, мост, воск, моск (мозгъ), рост, ростам́, сор, ток, лом, ком, кон, пол, гот (годъ), плот (плодъ), кроф (кровъ), слон, гром

(ат грома), бок, пот, сток (стогъ), хот (ходъ), грош, вол[1]), дрост (дроздъ), род (сроду), сом, мот, мор, Бох (Боуу), дом (в доми, домѣ), гроп (из гробѣ), стон, бор,
осѣ, лосѣ, гостѣ (гостѣи), солѝ (солѝу), ноц (ноцы), моц (моцы), дроѝ (дробь), воѝ, костѣ, тоѝ, кроф́ (кровь).

Слова женск. и средн. рода двусложныя въ имен. ед., имѣющія *о* подъ удареніемъ во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ падежахъ:

розѓи, ногу, ноѓи, косу, офцы, ф пору, с тѣх пор, совы, соф, дроѓи, дрожжи, вожжи, Олѣ, кровлѣ, пробѣ, сопли, Колѣ (м. р.), дрошки, кочкѣ, ровнѣ, стопкѣ, холкѣ, почкѣ, почвѣ, скопкѣ (скобка); просѣ, горѣ, словѣ[2]), полѣ, морѣ, ф полѝ, в морѝ, окнѣ (им. мн.), говнѣ (им. мн.).

Слова муж. рода двухсложныя и многосложныя въ имен. ед.:

почирк, повѣр, сторѣш (сторожъ), промѣх, Прохѣр, грохѣт, роспуск, кочит, колѧкѣл, окѧрѣк, молѧдиц, сокѣл, мостпки, а подвигѣф (о подвигахъ), на поиси, ис потпалу, голѣс, горѣт, борѣф, голѣт, волѣс, ворѣх, ворѣт, порѣх, вин. мн. обруцѝ,
коринѝ, локѣтѝ, лодыр, ногѣтѝ, голупѝ, собѣлѝ, омѣлѝ (омуль), госпадѝ, нохтѝ.

Слова женск. рода на мягкую согласную двусложныя и многосложныя въ имен. ед.:

голиѝ, погѣнѝ, сволѣч, плошшѣтѝ, копѣтѝ, когѣтѝ, па совистѝ, лошатѝ, Бох ф помѣч, па лошыди.

Слова женскаго рода на *-а* многосложныя:

сковрѧду, голѧву, Оличкѣ, розвалѝи, борѧду.

Слова средняго рода на *-о* многосложныя:

озирѣ, олѧвѣ, па оцыству.

---

1) Слово вол, извѣстное и въ формѣ вал, представляется заимствованнымъ изъ другого говора.

2) Неясно, какъ въ род. мн.: слоф или слwф.

Прилагательныя и нарѣчія:

Односложныя муж. р. въ им. ед.:

бос, прост, плох.

Двусложныя формы:

на скору руку, скорă, плохă, косă, строгă, строжы, строгăj, простă,

нéлофкă, лофкă, ровнă, можнă, громкă, горькáă, ропкă (робко), кроткăj, ровнăj, топкăj, словнă, хоткăй, грознăj, ломкăj, горнăj, годнăj, спорнă.

Трехсложныя формы:

обă холαсты, солαнă.

Числительныя:

сто,

обă, сорăк,

двойă, тройă, вдвойă.

Мѣстоименія:

он,

хто, хтотă, то, пра то, тожă, шшо, шо (изъ чьто).

Предлоги и нарѣчія:

проťиф, кромí, посли, очинí, окыла и окли, вон (въ значеніи вотъ), шшоп (изъ чьтобы).

до смирťи, по лбу, по двαру, ис потпαлу.

Глаголы:

Сложные съ предлогами:

попил, обмир, помир, подали, попили, полил, понил, продăл, доплыл, добыл, пролил, продăн.

Причастія на *-ан-*:

ковαнăj, фкопαнαjă, сломăн.

Простые глаголы съ неподвижнымъ удареніемъ:

броśиť, броśил, броśťи 2 мн. пов.; холиť, холă; трогăť, тронуť; лопăť, слопăť; топăť, топнуť; хлоп, хлопăť, хлопнуť; хром (хром-хром); пробαвăť.

Примѣчаніе 1. Лишь въ немногихъ словахъ замѣтно колебаніе между *о* и ѡ. Такъ при то извѣстно тѡ: на тѡ мѣстѣ и на то мѣстѣ; при ѩѩо является и ѩѩѡ: на ѩѩѡ, за ѩѩѡ; при глагольной формѣ хром-хром въ прилагательномъ хрѡм.

Примѣчаніе 2. Слова, представляющія *о* въ конечномъ или срединномъ слогѣ, въ значительномъ числѣ случаевъ заимствованы изъ книжнаго языка: икона, астрок, васток, акоп, палштоф, праходѣф, у налоjѣ. Глаголы съ *о* въ начальномъ слогѣ сохраняютъ его и въ сложеніяхъ: забросѝт, не бросѝл, папробѣвѣ́т, ни папробвѣлѣ́, набросѝлсѝ; ср. *о* подъ тѣмъ же условіемъ въ отглагольныхъ существительныхъ: с прѝхлопывѣнjѣм, с прѝтопѣм. При проѓиф находимъ и напроѓиф; при хто—нехто́. Послѣдовательно держится *о* въ прич. страд.: закопѣн, намотѣнѣj, атпалировѣнѣj, зѣкалдовѣнѣj. Причина произношенія пасо́дут, пасо́дит не ясна, въ виду плѡѓиш, навѡлѝт и т. п. Неясно *о* въ владошы, ср. рядомъ владѡшкѝ. Неясно еще *о* вм. ожидаемаго ѡ въ паложу, наложу, 3 ед. паложа, 1 мн. паложым; ср. свойственное сѣверно-русскому нарѣчію удареніе поло́жить. Отмѣчу еще паро́дилѣ, паро́дилѝ.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго ъ.

Въ начальномъ слогѣ:

броѝ, доц, у доцерѝ, сон, рот, роф (ровъ), дош, мох, дроф (р. мн.), на боцку, соѝ (кто много спитъ), лошкѣ (ложкѣ), тонкѣ, точкѣ, тошнѣ, крошкѣ, клок, клочjѣ, мошкѣ, тростѣчкѣ, соты, ропѣт, блошкѣ, но, ноѝ (нънѣ), во́ пѣлѝ (т. е. въ полѣ, въ пѣснѣ), хѡть на восѣ (на въ вьсе), из роту,
соньцѣ, мордѣ, долгѣ, полк, холм,
собрѣл.

Въ срединномъ слогѣ:

падолшы, патоѝ, аглохѝш, иголкѝ, с адоѝjа, агоѝ, церковнѣй, маркоф́, любоф́, сѣвекроф́, Маркоф́кин, платоцык, на дубоцкѝ, дѣвоцку, Маскоскиjѣ, сѣкалок, гадок, кусок, клубок, кругом, кулаком, платком.

Звукъ *о* на мѣстѣ исконнаго общерусскаго *ы*:

мою, рој, памои; цесној нарѡт, благој, другој, какој, сыроj.

Примѣчаніе. Въ баꙗшој ој вмѣсто исконнаго иј по аналогіи ој, замѣнившаго ыj.

Звукъ *о* на мѣстѣ общерусскаго *ǒ* изъ исконнаго *е* или *ъ* (въ положеніи послѣ мягкой, частью позже отвердѣвшей согласной):

сóлă, нос, вóслă, лóт (ледъ), лóн, томнă, чорнăй, шол, броꙗи цорны, пашол, плéцо, крылцо, парцову, дружок, с атцом, паꙗтомки, гаршошныjă разбѡjнꙗицы (въ пѣснѣ).

Примѣчаніе. О рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ *о* послѣ мягкой согласной замѣнено черезъ ѡ, скажемъ ниже.

— Звукъ ô, т. е. закрытое, напряженное *о*, замѣняетъ *о* ненапряженное при условіяхъ, для меня неясныхъ. Особенно часто такое произношеніе у женщинъ. Приведу отмѣченные мною случаи:

ôбă, бôк, брôсилă, вафсу мôц, нôц, нôцки дéвѣ, вот хтô, прôдали, гôднă, на лôшыꙗ, плôхă,
дôц, дôцери, крôф', агôн,
пришôл, са слôс, лôжа, стажôк, нejдô, ꙗjôш.

Рядомъ слышно произношеніе съ *о* открытымъ. Возможно, что ô вмѣсто *о* зависитъ отъ эмфазы, эмфатическаго растяженія ударяемаго *о*; отмѣчу ô въ неударяемомъ положеніи и при томъ долгое въ зват. ед.: матшкô! (матушка).

— Звукъ ѡ можно опредѣлить какъ звукъ средній между *у* и *о*, или какъ сильно лабіализованное *о*. Въ нѣсколькихъ, впрочемъ, очень немногочисленныхъ случаяхъ вмѣсто ѡ слышится ўо, напр., въ словахъ кўофтă, пўоштă. Тоже правильно въ началѣ словъ: ўолхă (хотя обыкновенно: вѡлхă). Оба звука *о* и ѡ сильно различаются говорящими, и употребленіе одного изъ нихъ на мѣстѣ другого ведетъ къ недоразумѣнію. Повидимому, и предшествующія обоимъ звукамъ согласныя произносятся различно: онѣ лабіализованны передъ ѡ, но нелабіализованны передъ *о*.

Обращаясь къ случаямъ употребленія ѡ, видимъ прежде всего, что звукъ этотъ восходитъ только къ исконному, общерусскому ударяемому *о*—и это въ противоположность *о*, въ которомъ совпали еще звуки ö (изъ *е*), ъ и ы (передъ j); лишь въ единичныхъ случаяхъ поэтому ѡ является послѣ мягкой согласной подъ очевиднымъ вліяніемъ аналогіи (см. ниже). Далѣе оказывается, что ѡ является правильною и постоянною замѣной исконнаго ударяемаго *о* не въ начальномъ слогѣ; только въ начальномъ слогѣ, какъ мы видѣли, возможно соотвѣтствіе звука *о* исконному *о*; но въ этомъ положеніи извѣстна и другая его замѣна—ѡ. Опредѣленіе условій, при которыхъ исконное *о* измѣнилось въ ѡ въ начальномъ слогѣ, принадлежитъ сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ. Здѣсь ограничусь приведеніемъ данныхъ.

Итакъ, намъ приходится различать: 1) случаи, гдѣ ѡ замѣняетъ исконное *о* въ начальныхъ слогахъ, 2) случаи появленія ѡ вмѣсто исконнаго *о* въ неначальныхъ слогахъ, 3) случаи, гдѣ ѡ въ неначальныхъ слогахъ стоитъ послѣ мягкой согласной.

Звукъ ѡ въ начальномъ слогѣ слова. Сюда относятся:

Существительныя:

Односложныя муж. рода:

стѡл, двѡр, пѡп, кѡń, снѡп, скѡт, хвѡст, кѡт, кѡл, клѡп, нѡш (ножъ), пѡст, плѡт, пѡт (подъ въ печи), мѡл́[1]), хвѡщ (хвощъ),

прѡк, ф прѡк, спѡр, збѡр, слѡк (слогъ), срѡк, бѡj (на бѡj, посл́и бѡjу), лѡф (ловъ), здѡр (въ значеніи раздоръ и вырѣзаннаго изъ мясной туши сала).

Двусложныя женск. рода:

вѡл́ă, кѡжă, рѡжă, дѡл́ă, рѡшшă, Пѡл́ă (имя), Сѡнă (имя), нѡшă, Кѡст́ă (имя муж. р.), Плѡнá (уменьш. женск. р.), рѡзă, кѡпă,

ссѡрă,

вѡткă, кѡшкă, двѡjкă, вѡспă, стрѡjкă, лѡткă (лодка),

1) Кажется, это слово въ Лѣк. говорѣ муж. рода.

стрѡчка́, нѡшкă (ножка), кѡнкă, скѡпкă (назв. мѣрки), гѡркă, рѡхлă, прѡпкă, сѡшкă, плѡшкă, двѡрна́, Рѡтка́ (имя муж.), зѡрка́, кѡфтă, пѡштă.

Двусложныя средн. рода:

лѡжă, кѡфа́,
вѡjскă, им. мн. кѡлцă.

Множ. число м. р.: кѡлjă, кѡмjă.

Двусложныя и многосложныя муж., женск. и средн. р.:

лѡмтик, шчим, нѡжык, хвѡстик, стѡлик, фтѡрник, крѡлик, плѡтник, плѡтики,
кѡстычка́, кѡрычка́, рѡзни́цă, в рѡзни́цу, три вѡлушки (уменьш. отъ вѡлха), вѡтыцку, гѡрни́цă, нѡжыньки, ва гѡриньки, лѡдыцку.

Прилагательныя и нарѣчія:

нѡф (новъ), хрѡм,
мнѡгă, гѡжă,
нѡвăj, дѡбрăj, гѡлыjă вашы ну́зы, тапѡрики вѡстрыjă, мѡкрăj, вдѡвăj, гѡркăjă сирата, плѡскăj, гѡлăj, вѡстрăj, рѡднăj баґушкă, па гѡламу ґѣлу,
рѡслăjă, пѡшлăj, рѡслăj, прѡшлăj, вѡлнăj, зѡркăj, зѡркă, кѡлкăj, рѡзнăj, бѡлшы, пѡснăj, кѡнныва́, снѡсливăj, скѡцкăj.

Числительныя:

вѡсим, вѡсимдисит.

Мѣстоименія:

тѡт[1]), на тѡ мѣстă[2]), на шшѡ, у тѡj, за шшѡ.
на кѡм
мѡj, твѡj
са мнѡj

1) Но извѣстно также и тот; послѣднее восходитъ къ тътъ, а тѡт къ тотъ.
2) Но также: на то мѣстă.

Предлоги и нарѣчія:

вwтѓи, вѡт, прwц
кwjкак
тwлѓкѣ, скwлѓкѣ, кwлѓкѣ-та дѐнѣк.

Глаголы:

Настоящее время:

прwсѓут, тwпѓут, гwнѓит, нѐ хwдѣ, лwвит, вwзут, хwдут, фхwдит, нѐ прwсу, мwлѓицут, мwчит, нwсит, хwцыш, ја нѐ хwцу, мwжыш, стwнѓиш, мwжѣ (можетъ быть), мwжыѓ (можетъ быть), хто цавш мwжѣ взаѓ, он пwрит, анѓи пwлѓут, тwнѓит, тwнут, глwжу, плwѓиш, свwрѓиш, навwлиѓти (навалите), плwѓит, свwлѓит.

Другія формы:

јесѓли хwш
кwнцылсѓи, спwмнѓил, пwмнѓи, нѐ ссwрѓтисѣ, мwкнуѓ, прwчиѓ рѡсѓ
дwj, нѐ бwс
ја мwк.

Причастія:

смwлѣт, мwлѣт, кwлѣт, пwрѣт[1]).

Звукъ w не въ начальномъ слогѣ послѣ твердой согласной.

Открытый конечный слогъ:

малакw, пѓисмw, вѐдрw, днw
бѐлw, давнw, ѓеплw, вѓисѐлw, нα навw крылѓцо
јевw, ат нѐвw, тавw, кавw, ницавw, атцавw, дα свавw
шлw, прашлw

Закрытый конечный слогъ:

тварwк, жывwт, каравwт, сакwл, урwк, пирwк, Іегwр, пакwj, паклwн, марwс, ладшнѓ, пакwс, налwк (налогъ)

1) Эти формы рѣдко употребляются и представляются искусственными; обыкновенно: смалwтѣj, искалwтѣj сахѣр, зαкалwтѣj прасук, атпарwтѣj.

у варшт, и́питухшф, и́а́т галшф, гадшф, вадшj, се́стрщj, залшj,
гатшф, высшк, какшф,
пришлшс́, палшл,
из аднщj-тӑ душы, при цесншм наршди́, у ме́на ли́ маладшj, пасуды никакшj, с сабшj, дат. ж. самщj,
далшj, дамщj, патшм.

Открытый серединный слогъ:

варшты, г запщju, баршдушкӑ, не́вшла́ju, сапшжа́к, каршвӑ, сакшли́к, в наршди, тапшри́ки, вадавшзу, ахштӑj, таргше́ц, г даршґи, папшвиц, на калшди́с́, на разгавшри, паклшнӑ, с вадшju, с табшju, хахшчу, удвшиґ, здаршвӑ, палшжа́ (сравн. ст. отъ палшгӑj), каршни́цыґ, калшґит, гатшвӑ, при́гшжаjа́, знакшмавӑ, дубшвыjа́, асшби́ннаju, ухшду́т, истшпицыґ, паднш́сут, ф цыстшjа́ по́ла́, абшим, упршс́им, пуґ даршжыни́ку, к вади́ншму, катшрывӑ, никакшвӑ, на высшкаju, пухшваju, шалкшву, при́дикше́винну, ми́лшвӑ, харшшаjа́, не́мншгӑ, жини́хшву, падршстка́ми.

Закрытый серединный слогъ:

к сапшшкам, папи́ршскӑ, с павшски́, па услше́ju, слабшднӑ, калакшли́чики́, пастаршни́ми́, падршстка́ми́, в ладшшки́, разбшjни́к, ладшни́ju, па каршбju, к агршмнаму, ни́ забшґґис́, малшццык, пакшрнӑ, к сапшшкам, давшли́нӑ, калакшли́нӑ, цасшвни́ӑ, налшжни́цӑ.

Звукъ ш не въ начальномъ слогѣ послѣ мягкой или нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной встрѣчается только въ нѣкоторыхъ грамматическихъ образованіяхъ, куда онъ перенесенъ по аналогіи изъ положенія послѣ твердой согласной. Сюда относятся формы средняго рода (нарѣчія), какъ харашш. Далѣе твор. ед. женск. р. существительныхъ и прилагательныхъ: бали́шшj, са фс́шj радни́шj, мѣстн. и дат. ед. женск. р.: па фс́шj, па бали́шшj даршґи; мѣстн. ед. ср.: ф чшм. Наконецъ, притяжательныя на ов: ащцшв дом.

Въ единичныхъ случаяхъ находимъ ѡ на мѣстѣ исконнаго *ъ*; относящіяся сюда слова представляются заимствованными изъ другихъ говоровъ, прежде всего изъ книжнаго языка. Таковы: псалѡм, крѡт (вмѣсто этого народное зимлерójкă).

Звукъ ѡ̂, т. е. закрытое, напряженное ѡ, находимъ при условіяхъ неясныхъ на мѣстѣ ѡ (ср. о̂ вм. о); возможно, что здѣсь сказывается эмфатическое произношеніе того или иного слова. Я слышалъ ѡ̂ въ слѣдующихъ словахъ, произносящихся также и съ ѡ: высакѡ̂, хѡ̂дут, нѡ̂сут, на запѡ̂j, вадинѡ̂цтви, хѡ̂дим, фспѡ̂мнiш, напарѡ̂л, и нѣк. др. Вмѣсто ѡ̂ въ единичныхъ случаяхъ также у: сакулик, па фсуj.

— О редуцированномъ звукѣ, близкомъ къ ѡ, въ слогахъ неударяемыхъ скажу ниже.

— Звукъ *у* извѣстенъ какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, причемъ безударное *у* произносится короче и болѣе открыто, чѣмъ *у* ударяемое, которое напряженно (закрыто). Примѣры: гус, каму, дуп, чудă, пару, рубить, рыбу, губа, хѡдут, лудцкоj. Передъ мягкими согласными, а также послѣ мягкихъ звукъ *у* переходитъ въ болѣе палатальные оттѣнки; въ положеніи между двумя мягкими согласными слышится звукъ средній между *у* и ü: лубiш, лудu.

Примѣчаніе. Неслоговое *у* неизвѣстно Лѣкинскому говору развѣ только въ сочетаніи съ слѣдующимъ *о*, при дифтонгическомъ произношеніи звука ѡ.

— Звукъ *ы* извѣстенъ только въ положеніи послѣ твердой согласной какъ въ ударяемомъ, такъ и въ неударяемомъ слогѣ; подъ удареніемъ *ы* произносится болѣе закрыто, напряженно; безъ ударенія открыто, ненапряженно, напр. ды̂м, сы̂н, дымить, сынок, сыграть. Соотвѣтствуя вообще исконному, общерусскому *ы*, этотъ звукъ кромѣ того замѣняетъ *и* послѣ твердой согласной. При этомъ возможны два случая: твердая согласная является конечною согласною предшествующаго слова, не подлежащею смягченію передъ слѣдующимъ *и*, которое и переходитъ поэтому въ *ы*: он ы сна́л, сам ы пашол[1]). Другой случай

1) Возможно и такое произношеніе: он и пашол, съ твердымъ *н*.

имѣетъ мѣсто при отвердѣніи согласной, ведущемъ за собой переходъ слѣдующаго *и* въ *ы*; отвердѣли звуки *ш, ж, ц*: служыл, шырок, пядлецы, ф цыс́л̓ѣ, цыстӑ (вмѣсто циста, гдѣ *ц* вмѣсто *ч*). Въ положеніи за *ш, ж* вмѣсто *ы* слышится звукъ средній между *ы* и *и*, когда за нимъ находится мягкая согласная: жыт́, шыт́, служыл́и. Звукъ *и*, замѣнившій *а, е* въ положеніи за мягкими согласными, а въ числѣ ихъ и за нѣкогда мягкими *ж, ш, ц*, перешелъ также въ *ы* въ связи съ отвердѣніемъ этихъ согласныхъ: лошыт́, кушыт́, пишыт, скажыш, должын, старшыj, дв́енаццыт́. Какъ увидимъ, редуцированный звукъ *ӑ* нерѣдко звучитъ близко къ *ы* и даже совпадаетъ съ *ы*.

— Звукъ *ä* извѣстенъ только подъ удареніемъ, замѣняя въ положеніи между двумя мягкими согласными *а*: з́ät́, п́ät́, с́ä́д́ит, ѓä́н́ӑ́.

Примѣчаніе. Звукъ ä стремится къ переходу въ ê; возможно, что сохраненіе ä обязано его ассоціаціи съ *а* въ родственныхъ образованіяхъ. Ср. ê въ а́п̓ếт́, м́ếчик, а также въ формахъ сравн. степени, какъ б́ел́ếj, крас́н̓ếj и т. д., гдѣ êj, какъ увидимъ, не можетъ восходить къ ѣj, но объясняется изъ аj; ср. нѣкогда существовавшее въ Лѣкѣ произношеніе, какъ бал́н̓ӑ́j (бальняй).

— Звукъ е открытый, ненапряженный встрѣчается въ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, подъ удареніемъ въ соотвѣтствіи съ исконными *е* и *ъ* передъ твердой согласной; преимущественно въ книжныхъ словахъ, какъ кр́ест, ср́еду, тр́езвай, бл́еск; во-вторыхъ, въ слогѣ предударномъ на мѣстѣ этимологическихъ *е, ъ, ѣ*, а также *а, о* послѣ мягкихъ согласныхъ; неударяемое *е* произносится короче ударяемаго; примѣры для *е* на мѣстѣ *е, ъ*: в́еди, н́ест́и, кр́ест́ит́, два д́ен́ка, п́ен́ок; *е* на мѣстѣ *ѣ*: б́еда, с́л̓епој, с́т̓ена; *е* на мѣстѣ *о* (ö): в́еду, н́есу, в́ис́ел́а́; *е* на мѣстѣ *а*: п́еток, р́ебој, в́ез́ом с́ѣ́т́и, м́есној.

Примѣчаніе. Какъ увидимъ, Лѣкинскому говору не чуждо произношеніе ê передъ твердой согласной, въ противоположность напр. Московскому, гдѣ ê переходитъ въ *е* передъ отвердѣвшей согласной. Обычнымъ произношеніемъ является въ Лѣкѣ: а́т̓ếц, п́ев́ếц, ка́н̓ếц, п́ếц, но рядомъ извѣстно и а́т̓ец, п́ев́ец, ка́н̓ец, п́ец.

Звукъ *е* по общему правилу встрѣчается только послѣ мягкихъ согласныхъ (частью отвердѣвшихъ). Но въ указательномъ корнѣ *е* на-

ходимъ звукъ *е* въ началѣ слова: етӑт, етӑ, ентӑт; отношеніе этого *е* къ ѣ, нерѣдкому въ тѣхъ же указательныхъ мѣстоименіяхъ, для меня неясно; не имѣю основанія утверждать, чтобы произношеніе е, ѣ въ этихъ словахъ было чуждо исконному говору, гдѣ слышится до сихъ поръ и је (јетӑт); но несомнѣнно, что је—болѣе обычное въ старшемъ поколѣніи произношеніе, чѣмъ е, ѣ.

Послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ находимъ звукъ е: напр. въ словахъ, женскај, жена, жених, цера, церица; отседӑ перешло въ атцедӑ, ацедӑ съ твердымъ *ц*, а это вызвало и аттедӑ. Конечная согласная слова (предлога) остается твердой передъ слѣдующимъ *е* указательнаго мѣстоименія: атетавӑ, кехтаму.

Объ отвердѣніи согласныхъ передъ *е*, замѣчаемомъ въ индивидуальномъ произношеніи, скажу ниже.

Фонетически исконное *е* еще въ старшую эпоху перешло черезъ посредство ö въ *о* передъ твердой согласной; вотъ почему *е* передъ твердой согласной встрѣчается въ современномъ говорѣ рѣдко, преимущественно, какъ мы видѣли, въ словахъ заимствованныхъ, книжныхъ. Нашему неводъ здѣсь соотвѣтствуетъ ньовӑт. Передъ отвердѣвшими *ш*, *ж* находимъ *о* на мѣстѣ *е* въ результатѣ звукового процесса; ср. здѣсь в можу, мош вас, мош ними, цошут (чешутъ); отвердѣніе *ж* повело къ отвердѣнію предшествующаго *р*, а затѣмъ къ переходу *е* передъ *р* въ *о*: доржут, падоржынӑј.

— Звукъ ѣ, т. е. закрытое напряженное е, извѣстенъ только подъ удареніемъ. По общему правилу ѣ, соотвѣтствуя при этомъ исконнымъ *е* и *ъ*, является только передъ мягкой согласной: чѣтвирть, трѣть, замѣрзли, дѣнги, дѣн, вѣс, сѣмдисит, зѣмскаму, па диревѣнскі. Впрочемъ, оно сохраняется и передъ отвердѣвшимъ *ц* (изъ исконныхъ *ц* и *ч*): мѣц складенѣц, дравѣц, дварѣц, атѣц, плѣцкӑ, на крылѣцкӑ, на сердѣцкі, маладѣцкају, турѣцкајӑ, пѣц, ат пѣцы и т. д. Рядомъ извѣстно также произношеніе съ *е* вмѣсто ѣ (см. выше).

Кромѣ того ѣ является въ индивидуальномъ произношеніи (спорадически) еще въ положеніи передъ твердой согласной, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ книжныхъ словахъ, какъ трѣзвај, лубѣзнај, анифѣст, алѣнӑ; во-вторыхъ, въ указательныхъ мѣстоименіяхъ: ѣту, с ѣстӑј с

таскѝ, ѐтăт рeмѐй, ѐтă нeвѣстă, ѐтăт мaлaдѐц, ѐнтăт; въ-третьихъ, въ отрицательной частицѣ нe: нѐ былѝ, нѐ былă, нѐ дaлѝ; возможно, что нѐ вмѣсто нe подъ вліяніемъ случаевъ какъ нѐ пилѝ.

Объ отвердѣніи согласныхъ передъ ѐ, замѣчаемомъ въ индивидуальномъ произношеніи, скажу ниже.

— Звукъ ѣ—это звукъ средній между *и* и *е*; повидимому, первая часть этого звука тождественна съ *и*, а вторая съ *е*; акустическое впечатлѣніе отъ *ѣ* то же, что отъ *е*; конечно, это указываетъ на физіологическую близость второй части звука *ѣ* къ звуку *е*. Мнѣ не удавалось точно воспроизвести этотъ Лѣкинскій звукъ, но рѣзкое отличіе его отъ *е* выясняется изъ того, что, напримѣръ, И. С. Гришкинъ никогда не смѣшаетъ звуковъ *е* и *ѣ*. Въ началѣ слога *ѣ* звучитъ какъ је или даже *ие*: иест, иеду, сиест (съѣздъ). Иногда послѣ согласныхъ я слышалъ на мѣстѣ *ѣ* звукъ *и* или даже дифтонгъ *ие*: дитѝ, атриш, парeнок падбиек.

Звукъ *ѣ* встрѣчается только подъ удареніемъ; о близкомъ къ нему звукѣ въ предударномъ слогѣ скажу ниже.

Мнѣ казалось, что *ѣ* произносится закрыто, напряженно передъ мягкой согласной, открыто, ненапряженно какъ передъ твердой согласной, такъ и въ концѣ слова. Но я не увѣренъ въ томъ, что не руководился при этомъ свойственными моему произношенію акустическими представленіями. И. С. Гришкину подобное различеніе чуждо. Иногда мнѣ приходилось отмѣчать ѐ и передъ твердой согласной: сѐл, нeвѐжă, здѐшнијă, нѐту, пасeдѐлијă, зацѐм; также ѐду, нe ѐмшы.

Приведу примѣры для *ѣ*, не различая *ѣ* и ѐ. Сначала—случаи, гдѣ *ѣ*, оправдываясь этимологически, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній:

бѣс, бѣсисси, ја бѣсус (удареніе на ѣ), бѣгат, он бѣгыт, бѣднăј, бeднѣит, б'ѣлăј, бѣлинкăј, пабѣдă, абѣт, павѣдăт, вѣст, извѣстјă, вѣк, вѣцнăј, вѣрă, вѣрнăј, вѣс, абвѣсит, вѣтф, вѣтыцкă, на вѣтки, вѣтир, атвѣт, в атвѣти, савѣт, пасавѣтыват, ја ни савѣтыву, звѣзды, ноц звѣзнаја, звѣр, нeвѣстă, свѣтлă, расвѣт, свѣжыј, цвѣтнă платјă, цылавѣк, дѣфствинăј лѣс, аддѣлылси, адѣццыт, дѣт, дѣ-

душкѣ, надѣицыт́, дѣцтвѣ, ни́дѣлѣ, зѣ́ф, па лѣ́вѫју сторѫну, лѣ́зит, лѣ́сни́цѣ, он лѣ́чит, лѣ́н, лѣ́нѣ́ст́, он лѣ́ни́т, лѣ́с, бл́ѣднѣј, жел́ѣзѣ, акал́ѣцыл, кал́ѣнкѣ, пал́ѣ́ни́цѣ дроф, ф кл́ѣ́тки, лѣ́тѣм, хл́ѣп, кл́ѣф, ф кл́ев́ѣ, сл́ѣт, па сл́ѣду, ас́л́ѣп, ас́л́ѣпнут́, пл́ѣн, пл́ѣ́сни́, пл́ѣш, мѣ́т́, мѣ́днѣј, мѣ́л, мѣ́нѣ́, мѣ́ри́т́, мѣ́ркѣ, мѣ́сивѣ, бе́з мѣ́стѣ, па мѣ́сицу, мѣ́ти́т́, бе́з мѣ́ху, см́ѣх, не́ см́ѣјси, при́мѣр, нѣ́миц, нѣ́т, нѣ́жнѣј, нѣ́гѣ, гн́ѣзды, мнѡга гн́ѣст, ти́мнагн́ѣдѣј, гн́ѣф, прагн́ѣвал́си, сн́ѣк, мнѡгѣ сн́ѣгу, нѣ́гѫ́ја лошы́т́, нѣ́на́, бе́с нѣ́син, рот т́ѣ́син, сн́ѣлѣј, ни́ пас́нѣ́т́, ус́нѣх, р́ѣ́ткѣј, больна р́ѣдѣк, р́ѣзѣ́т́, зар́ѣш, р́ѣзвѣј, р́ѣцкѣ, на р́ѣцки́, апр́ѣ́л́, р́ѣпа, р́ѣц, стр́ѣца, ар́ѣх, ар́ѣшни́к, гр́ѣх, кр́ѣпкѣј, свир́ѣпѣј, стр́ѣлы, хр́ѣн, Ал́екс́ѣј, сѣ́с́т, бе́сѣдѣ, пабе́сѣдывѣ́т́, ја стал сѣ́т, сѣ́рѣј, сас́ѣди, сѣ́ни, сѣ́т, сѣ́ит́, пас́ѣи́ли, сѣ́мѣ́, т́ѣлѣ, т́ѣстѣ, т́ѣснѣј, ф тиснат́ѣ, с́т́ѣны, т́ѣшыт, зат́ѣит́, цѣлѣј (но ф цыли́кѣ), цѣны (им. мн.), цѣ́л, цѣп, цѣ́й, цѣ́пи.

Примѣры для *ѣ*, оправдываемаго этимологіей, но не сохранившагося въ современномъ намъ правописаніи:

ѣ́дры (им. мн., наше вёдра), сѣ́длы (им. мн., наше сёдла), гн́ѣзды (им. мн., наше гнёзда), мѣ́лкѣј, мѣ́ли́нкѣј, тр́ѣск, ши́ѣпкѣ, ши́ѣ́пки́ (древнерусск. сцѣпъка), шѣст (вѣроятно, изъ сѣстъ, ср. нашест при насѣст), нацлѣк (древнерусск. ночлѣгъ), нѣцывѣ.

дѣмѣн (древнерусск. дѣмонъ), Іефр́ѣм (древнерусск. Ефрѣмъ), арх́ир́ѣј, Андр́ѣј, Андр́ѣјушка, Палаѓѣјѣ, Ф́ил́ел́ѣј, Праскав́ѣја, Саф́ѣјѣ, ин́дѣјскавѣ. Чередованіе ѣ̀ј и ij вызывалось въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ словъ фонетическими причинами и передавалось затѣмъ по аналогіи въ другіе случаи. Ср. также Ќѣиф и Ќѣјѣф вмѣсто Ќиив (изъ кыевъ).

Въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ изъ другихъ говоровъ словахъ находимъ *ѣ* вм. *е*; это указываетъ на то, что по той или иной причинѣ сочетаніе мягкая согласная + *е* представлялось ближе къ сочетанію

съ *ѣ*, чѣмъ къ сочетанію съ *е;* быть можетъ, во время такихъ заимствованій согласная передъ *е* звучала въ заимствовавшемъ говорѣ не мягко, а полумягко. Сюда относятся:

церковнославянскія слова, заимствованныя изъ книжнаго языка: вр́ѣт, вр́ѣднă, вѣ́ш (вещь), вѣ́шӣи (ср. однако ср́еду, пр́ежы, дапр́еш, пр́еж́ди, вр́емă, тр́езвăj и др.), греческія и западноевропейскія слова, какъ л́ѣнтă, кар́ѣтă, маѣ́тă, тар́ѣлкă, л́ѣнтɑцкă, тɑбур́ѣткă; равнымъ образомъ граф́ѣн вмѣсто графинъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что этимологическое *ѣ* подъ удареніемъ послѣдовательно передается въ описываемомъ говорѣ черезъ *ѣ*. Исключенія объясняются частью тѣмъ, что то или иное слово съ *е* вмѣсто *ѣ* вообще чуждо нашему говору: сюда относятся напр. блеск (ср. польск. blask), с́евир (въ народѣ извѣстно с́ивиркă въ значеніи холодно), л́екăр́ (но глаголъ л́ечи́т свойственъ Лѣкинскому говору, ср. 3 ед. л́ѣчит), кл́ej (ср. церковнослав. клѣи), также названіе города Т́ер́ произносится съ *е* (ср. древнерусск. Тьхвѣрь). Частью исключенія—только кажущіяся; напр. правильно съ *е* произносятся р́ет́кă, хм́ел́, кап́ejкă, цв́ес́т (ср. цв́ол), з́м́ej (им. ед.), з́м́ej (р. мн. отъ з́м́eja).

Особо должно оговорить *е* въ формахъ сравн. степени на -ejă и -ej вмѣсто ожидаемыхъ -ѣjă, -ѣj; это *е*, какъ было указано выше, восходитъ всего вѣроятнѣе къ ă изъ *a* между мягкими согласными; ср. древнерусскія и совр. діалектическія скоряе, больняе, веселяе и т. д. Такъ находимъ: пɑсыр́ej, скар́ej, скар́ejă, пɑтр́ез́вejă, бал́нejă, с́ил́нejă, ja б́ед́нejă (но он б́ед́нѣит), он в́ер́нejă, шыпчejă, ja jевш б́ел́ejă (но он б́ел́ѣит).

Звукъ *ѣ* въ неударяемомъ положеніи совсѣмъ не извѣстенъ, ибо этимологическое *ѣ* замѣняется въ предударномъ слогѣ черезъ *е* (ɑд́еват́, цв́еты, с́едой, д́ел́ошкă, он б́ежыт, в́енок, ф с́негу, п́ешком, гн́едой, см́ejɑццыт́, р́ека, ф с́ен́аф, б́ис с́ен́ej, в л́есу, з́вер́jo, и т. п.), а въ остальныхъ неударяемыхъ слогахъ черезъ *и* (м́иш́ɑн́ин, м́илавыjă горы, с́им́ена, в горɑд́и). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ редуцированный звукъ, замѣнившій *е*, близокъ къ звуку *ѣ*, представляясь звукомъ среднимъ между *и* и *е*. Скажу объ этомъ ниже; здѣсь же огра-

ничусь замѣчаніемъ, что *е* въ предударномъ слогѣ, когда подъ ударе-ніемъ *ѣ*, можетъ переходить именно въ такой звукъ, откуда дальше *и*: ′тѣ′лѣгу, ф ′сѣ′бѣ, на ′сѣ′бѣ, ср. рядомъ ′ни′дѣ′лѣ, па′ни′дѣ′лник.

Въ единичныхъ случаяхъ находимъ переходъ *ѣ* ударяемаго въ *и*, а именно въ положеніи передъ слогомъ съ неударяемымъ *и*: ′ди′вир (но извѣстно въ произношеніи нѣкоторыхъ и ′дѣ′вир), ′ви′ник, из ′ви′никăф, а ′ви′никăф, ′си′виркă.

—Звукъ *и* въ ударяемомъ положеніи болѣе закрытъ и дольше, чѣмъ безъ ударенія, гдѣ онъ способенъ и редуцироваться (о чемъ см. ниже). Примѣры для звука *и*: ′пи′ли, ′писмѡ, тр′и и т. д. Звукъ *и* соотвѣтствуетъ не только этимологическому *и*, но подъ ударе-ніемъ въ единичныхъ случаяхъ также и другимъ звукамъ, напр. звуку *ѣ* (см. выше), а не подъ ударе-ніемъ съ слогахъ непредударныхъ звукамъ *ѣ, е, а, о* (послѣ мягкихъ согласныхъ): ′питуха, ′вичера, пл′исавајă, ′читацок, чирната, учи′ти′л, па м′ѣ′сицу, в дом′и и т. д. Звукъ *и* встрѣчается какъ въ началѣ слога, такъ и послѣ согласныхъ, всегда мягкихъ, ибо послѣ отвердѣвшихъ или сохранившихъ свою твердость согласныхъ звукъ *и*, какъ мы видѣли, переходитъ въ *ы*, а при извѣстныхъ условіяхъ въ звукъ средній между *ы* и *и*; произношеніе он и сам съ твердымъ *н* рѣже, чѣмъ произношеніе он ы сам. Звукъ *и* извѣстенъ также въ неслоговомъ употребленіи, всякій разъ однако въ тѣсномъ сочетаніи съ предшествующей или послѣдующей гласной (ја, је и т. д., ај, ej и т. д.).

Гласныя неполнаго образованія.

Различаемъ двѣ категоріи такихъ редуцированныхъ гласныхъ, извѣстныхъ только въ неударяемомъ положеніи: во-первыхъ, менѣе редуцированныя, во-вторыхъ, болѣе редуцированныя. Эти два вида извѣстны именно въ соотвѣтствіи съ исконными звуками *о* и *а*.

—Первый видъ представляется широкимъ, открытымъ звукомъ неполнаго образованія, близкимъ къ звуку а; обозначимъ его буквой ă. Онъ встрѣчается почти исключительно въ конечныхъ слогахъ, открытыхъ или закрытыхъ, въ положеніи какъ послѣ твердой, такъ и послѣ мягкой согласной и соотвѣтствуетъ этимологически исконнымъ звукамъ *о* и *а*. Примѣры:

словӑ, рыбӑ, шубӑ, тоджӑ, тагжӑ
в морӑ, вдвойӑ, дѡбрыйӑ лю́ди, какийӑ страсти
радӑс́, волӑс, горӑт, дѣвӑк, с ни́вӑм, свокӑр, катѡрӑj, харѡшӑj
маинйкӑj, горӑм, братйӑф, третӑj, с свајацыйӑj, денӑк, здадӑj.

—Второй видъ редуцированнаго звука—это звукъ узкій, закрытый, близкій къ *ы*; обозначимъ его черезъ *ɑ*. Онъ является только послѣ твердыхъ согласныхъ какъ передъ ударенiемъ (кромѣ однако предударнаго слога), такъ и послѣ ударенiя (кромѣ однако конечнаго слога). Онъ соотвѣтствуетъ вообще этимологическимъ *а* и *о*, но иногда замѣняетъ и неударяемое *у*. Примѣры:

бɑрада, кɑраи́т, пɑд гарој, сɑлаи́ej, нɑчела, тɑргаваццыт, дɑлгаруки, лɑшеде́j, рɑсписалси
сɑндуки́, с сɑндукɑми
в горɑди́, голɑву, по двɑру, пакɑсти, здѣлɑнӑ
за прɑвɑју руку, пробɑју, в дɑлнɑју пут.

—Редуцированное *е*, которое обозначимъ черезъ *ɛ*, представляется звукомъ среднимъ между *и* и *е*, притомъ краткимъ и неопредѣленнымъ. Онъ замѣняетъ звукъ *е* въ предударномъ слогѣ, когда подъ ударенiемъ находится *ѣ*: тɛлѣгӑ, ф сɛбѣ́, тɛбѣ́ (ср. выше). Далѣе мы находимъ его въ слабоударенныхъ словахъ на мѣстѣ *е* въ предударномъ слогѣ: сɑ фсɛвѡ горɑдӑ.

—Редуцированное *о*, которое обозначимъ греческою буквой *о*, представляется звукомъ среднимъ между *о* и *у*, притомъ краткимъ и неопредѣленнымъ. Условiя его появленiя неясны; я могу указать его лишь въ единичныхъ случаяхъ, напр. в Іалмоти (названiе мѣстности). Такое же *о* находимъ въ хоть: ступај хоть, рядомъ также хуть; далѣе въ скрос: скрос акна.

Гласныя неслоговыя.

Какъ мы видѣли, въ неслоговомъ употребленiи извѣстна только гласная *и*. Въ сочетанiи съ предшествующей гласной она образуетъ дифтонгъ, напр. крај, мојти, шејкӑ, пасѣj, падујти, бѡjси, старшыj,

с угрωзăj. Въ сочетаніяхъ съ послѣдующею гласной вмѣсто неслогового *и* слышится, быть можетъ, jотъ: jих, jамă, пojис (поѣздъ и поясъ), ćемjу, л́jу, кωл́jă, jêć́т. Какъ указано выше, отъ сочетанія je, напр. въ jêć́т, надо отличать сочетаніе *ие* (вѣроятно, йе) на мѣстѣ этимологическаго *ъ*: йест, йеć́т, йехάт, также сйест (съѣздъ и съѣстъ), сйел (й это краткое и).

Зависимость гласныхъ отъ ударенія.

Чередованіе гласныхъ, вызванное положеніемъ ихъ въ ударяемыхъ или неударяемыхъ слогахъ, можетъ быть выяснено только исторически. Исходя изъ звукового состава общерусскаго праязыка, видимъ, что только гласныя *у, ы, и* сохранились въ Лѣкинскомъ говорѣ какъ въ ударяемомъ, такъ и неударяемомъ положеніи. Впрочемъ, неударяемыя *у, ы, и*, подвергаясь редукціи въ количественномъ отношеніи, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняться и качественно, а также исчезать изъ произношенія.

Звукъ *у*, какъ мы видѣли, можетъ переходить въ *α*. Такъ въ окончаніи вин. над. прилагательныхъ находимъ обычно не подъ удареніемъ—αjў вмѣсто—уjу: н́ипам́ѣрнαjу, самαjу харωшαjу, н́иап́исαннαjу, пакрытαjу, разл́убезнαjу, думу кр́ѣпкαjу, з́емл́у татарскαjу, па л́ѣвαjу руку. Тоже въ 1 л. ед. наст.: блαгадарсвαjу, пробвαjу. Вмѣсто—уj находимъ—αj во 2 л. пов. здрасвαj, папробвαj. Въ пѣснѣ: хрустал́нαим вмѣсто хрустал́ныим. Вмѣсто высунулă находимъ высынулă; вм. крадучись, крадучи—крадыце. Вмѣсто омул́—омăл́ (назв. рыбы). Вмѣсто сундуки, сундука—сαндуќи, сαндука, с сαндукам́и. Выпаденіе *у* въ матшкô вм. матушка (зв. ед.). Отмѣчу отпаденіе конечнаго *у* послѣ j: в другуj д́ерев́ну. Звукъ *ý* (на мѣстѣ у между двумя мягкими согласными), редуцируясь, переходитъ въ *и*: гар́аш́ију бан́у.

Редукцію звука *ы* находимъ весьма рѣдко; ср. вαнлывали вм. выплывали. Въ за ужнăм, пос́ли ужнă видимъ выпаденіе *ы*, восходящаго къ *и*, за отвердѣвшимъ *ж*.

Редукція звука *и* ведетъ къ его выпаденію, напр. ул́цă вмѣсто улица. О выпаденіи *и*, замѣнившаго *е*, скажу ниже.

Звуки *а, о, е, ъ* сохранились въ Лѣкинскомъ говорѣ только подъ удареніемъ, причемъ вмѣсто одного *о* въ зависимости отъ акцентныхъ условій явились два *о*: *о* простое и *о* сильно лабіализованное (ω); звукъ *а* подъ удареніемъ между двумя мягкими согласными измѣнился въ ä (пäт́, вз́ä л́и); звукъ *о* при тѣхъ же условіяхъ сталъ вѣроятно звучать какъ ȯ, т. е. средній звукъ между *о* и ŏ (ш́ш́ȯл́, т. е. чтоль, т́ȯт́ă); звукъ *е* при тѣхъ же условіяхъ звучитъ какъ ê (д́ếн, атн́ếс́т́).

Въ положеніи не подъ удареніемъ эти звуки редуцировались, совпадая при этомъ въ двухъ общихъ оттѣнкахъ редуцированной гласной, различавшихся въ зависимости отъ положенія за твердой или мягкой согласной (за твердой согласной являлись звуки: *а, о*, за мягкой: *а, о, е, ъ*). Редуцированную гласную послѣ твердыхъ согласныхъ обозначимъ буквой *ɑ*, а послѣ мягкихъ буквой *ɛ*. Редуцированныя гласныя не сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ въ слогѣ предударномъ: редуцированная гласная послѣ твердой согласной замѣнилась здѣсь звукомъ *а*; редуцированная гласная послѣ мягкой согласной звукомъ *е*. Переходъ *ɑ, ɛ* въ эти звуки *а, е* произошелъ на фонетической почвѣ, вызываясь, какъ можно думать, сокращеніемъ гласной въ слѣдующемъ, ударяемомъ слогѣ. Разсмотрю звуковой составъ предударнаго слога въ Лѣкинскомъ говорѣ, различая три положенія: послѣ твердой согласной, послѣ мягкой и послѣ нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной.

Въ положеніи за твердой согласной на мѣстѣ исконныхъ *а* и *о* находимъ *а*:

— вада, сава, сама, праси, хажу, трав́ѣ, хвала, гадат́.

Примѣчаніе. Только въ сална́ (рыба́ очи́н сална́) вм. салана видимъ выпаденіе редуцированной гласной въ предударномъ слогѣ. Что до маз́л́и им. мн. отъ мазол́, то здѣсь *о* выпало нефонетически, а подъ вліяніемъ аналогіи.

Въ положеніи за мягкой согласной на мѣстѣ исконныхъ *а, о, е, ъ* находимъ *е*:

— јес́он, вз́ела, п́етак, прат́енул, пуст́еќи, ат вад́енωвă, јев́ис́ă, јевл́ал́ис́, гл́ежу, запр́егла, св́езал́и, пл́есат́, јемш́ик, нан́елс́и, р́ебој, св́етој, јеиц.

— ѣ́ду, с́естра, н́есла, ат н́евѡ, ѣ́сной, нап́екла
— п́ен́ок, ѣ́до, л́еп́ошӑк, т́ер́ом
— б́еда, дв́енаццыт́, кр́епыш, в грéхаф, т́еснѡ, т́ел́ник (чирей), пат́ешат́, з́евѡта, л́еснӑй стáрана, пабл́едн́ѣл.

Примѣчаніе. Въ јијо находимъ *и*, не *е*, можетъ быть, вслѣдствіе слабоударяемости этого слова. Объ *и* въ н́идѣ́л́ӑ, т́ил́ѣгӑ см. ниже.

Въ положеніи за нѣкогда мягкой, теперь отвердѣвшей согласной на мѣстѣ исконныхъ *а*, *о*, *е* находимъ или *е*, или *а*. Думаю, что *е* въ такомъ положеніи болѣе первоначально, а *а* явилось подъ вліяніемъ той или иной звуковой аналогіи:

— е: цер́а, цер́у, цер́ицӑ, цевѡ, жена, женѡј, жен́их, н́и женатӑј, лапед́ej, прицес́тицыт́.
— а: цавѡ, цаму, цасат́, напала, напават́, цатыр́ӑ бл́удӑ, па цасам, пажалаф, т́ижалѡ, ужахал́ис́ (папалују, цалуит).

Примѣчаніе: цавѡ подъ вліяніемъ тавѡ, напават́—тапгават́, балават́ и т. п., цасат́ при цошут ср. гладат́ при глѡжут, цасы подъ вліяніемъ цас, и т. п.

Въ другихъ неударяемыхъ слогахъ редуцированныя гласныя ă и ѣ по общему правилу сохранялись, не переходили въ соотвѣтствующія гласныя полнаго образованія *а* и *е*. Только въ началѣ слова ă перешло въ *а*. Звукъ ѣ съ теченіемъ времени перешелъ въ *и*, которое послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ замѣнялось черезъ *ы*. При извѣстныхъ условіяхъ происходило выпаденіе редуцированныхъ гласныхъ ă и ѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлъ мѣсто переходъ ă въ звукъ *ы*, а подъ вліяніемъ слѣдующей губной согласной, также въ *у*. Наконецъ, въ конечныхъ слогахъ открытыхъ и закрытыхъ происходилъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи, переходъ ă въ болѣе открытый, но также редуцированный звукъ ӑ, который замѣнялъ и ѣ въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ уже подъ явнымъ вліяніемъ грамматической аналогіи. Такимъ образомъ разсмотримъ отдѣльно: слоги передъ удареніемъ, слоги заударные, слоги заударные конечные; при этомъ раз-

личаемъ положеніе въ началѣ слова, послѣ твердой согласной и послѣ мягкой согласной.

Слоги передъ удареніемъ.

Положеніе въ началѣ слова. Здѣсь находимъ *а*, замѣнившее *ѧ* на мѣстѣ исконныхъ *а* и *о*:

аднавѡ, атпуśтиґ, аддахни, астарѡжнă.

Въ положеніи послѣ твердой согласной находимъ *ѧ*, иногда замѣняющееся черезъ *ы* и *у*, а при извѣстныхъ условіяхъ выпадающее:

— а: вараватаjă, падаваjă, заґевајут, красата, на базари, малада, па двериґ, пагледѣґ, панафиткă, на дубу, падыскал, павела, залиśа, скалыхалăś, дарагој, багатыри, паґихоńку, кристаабразнă.

— *ы* вмѣсто а встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ при условіяхъ, ближайшимъ образомъ не опредѣлимыхъ: блыгдару, паблыгдариł, сылавеj, сылавја, блыгдарат. Отмѣтимъ па мыныстырам.

— *у* вмѣсто *ѧ* въ словѣ супаґи, очевидно, подъ вліяніемъ звука *п*.

— выпаденіе *ѧ* нерѣдко передъ звуками *р*, *л* (передъ слогами *ра*, *ла*): платeнцă, па главѣ, с платeнцами, срафан, праśатă, прасук, пакраниґ. Также послѣ звуковъ *р*, *л*: залтарѡгавă, ф калкала. Еще въ гвариґ, пагвариґ вмѣсто гавариґ, пагвариґ; впрочемъ, гвариґ, гвăриґ могло потерять гласную въ начальномъ слогѣ въ энклитическомъ своемъ употребленіи; ср. дальнѣйшее сокращеніе въ гыт. Въ пратeнуjу рубаху вмѣсто партeнуjу видимъ перестановку *ѧ* въ зависимости отъ положенія передъ плавной.

Въ положеніи послѣ мягкой согласной находимъ *и*, непосредственно изъ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ—выпаденіе *ε*:

— мисаѣт, jиравѡjă полă, ґижалѡ, ńитацок

— на биреgу, вицеринку, на ńиpекpоśткăф, сиpеди пути, диpевeń, ńиженатăj, pибeтишки, виśeлицыґ, виликан, ńиpекśтиś, либeдej, биздругвă, врименa, мидвежонкă,

— билакудр́иму, д́ивир́ок, п́итухωф, п́итух́и, с́идаќи

— выпаденіе ε имѣетъ мѣсто послѣ плавной *р*: п́ирнαцавалă, п́ирваз́иґ, п́иррубил.

Въ положеніи послѣ отвердѣвшей согласной находимъ *ы*:

за жын́ихом, жын́иху, цылаваґ, пαцылавал, цылавĕ́к, цылавĕ́ка, цыл́иком, ф цыл́иќĕ, цырн́ина, шылкав́а, цырпаком, шылкав́а јевω барωдушкă.

Слоги за ударенiемъ неконечные. Здѣсь послѣ твердой согласной по общему правилу находимъ α, нерѣдко замѣняющееся звукомъ *ы*, а при извѣстныхъ условіяхъ выпадающее:

— в горад́и, д́ĕлαл́и, знахαр́ăм, па стараму, выраслă, пакαс́ґи, голαву, ласкавăј, на пαл́и, плакαл́и, па глупαс́ґи.

— *ы* находимъ преимущественно передъ двумя согласными: надыбнă, Аќимывнă, Раманывну, пр́алыцку, с́ јармынќи, травынќă, муравынќă, ат Кас́имысќих, галынќи, адл́ĕлылс́и, насватыл́и, пытцабл́у. Кромѣ того находимъ *ы* вм. α, когда въ слѣдующемъ слогѣ (конечномъ открытомъ) α перешло въ ă: атетывă, кωннывă, Мурымă (но Мурам́и), старывă (но стараму), у дωбрывă, прακл́атывă, сказынă, здл́ĕлынă, думылă, п́ервывă, д́ĕмынă, из горыдă (но в горад́и), М́ихајлывă, з́еркылă, надыбнă, Ф́одрывнă, Аќимывнă, шур́оныцкă (но шур́онαцык), шолкывăј, вин. молыццă, с́вет́олыцкă. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я слышалъ вмѣсто *ы* также и α.

— выпаденіе звука α: фс́отќи, пробвăју, папробвалă, Ф́одрывнă.

Послѣ мягкой согласной на мѣстѣ ε находимъ правильно *и*; въ рѣдкихъ случаяхъ видимъ выпаденіе ε:

— в́ит́из́и, клан́ил́ис́, тыс́ицă, баилă, на поис́и, пас́ĕил́и, хаз́аивăм, п́јуш́ш́ивă,

— оз́иру, н́е зап́ирты, павыб́иру, цет́вирă сутăк

— мат́ир́ју, до с́мир́ти, ради́т́ил́и, выт́икл́и, вып́икл́и, ва т́е-

ри́ми, суд́ја прав́иднаjӑ́, па бе́ришку, вы́ли́тил, выв́ид́иннуjу, на ́лицын́ки

— за поjиздӑ́м, вы́ли́зиш, выбигла́, в́ид́ила́

Выпаденіе ε: зуп вы́л́́тил.

Послѣ исконно мягкой, позже отвердѣвшей согласной, находимъ по общему правилу на мѣстѣ ε звукъ *ы*; но подъ вліяніемъ аналогіи *ы* замѣняется черезъ α:

— лошы́ди, д́венаццы́ти, душыцкӑ́, р́ѣцын́ки, акошыцкӑ́м, па оцыству. Что до *ы* въ старшывӑ́, в́ецырӑ́м, долгӑ́ в́ецырӑ́ (ср. к в́ецαру), н́ѣцывӑ́, н́ѣшыва, д́ошывӑ́, нашывӑ́, то оно стоитъ, можетъ быть, въ связи съ наличностью ӑ вм. α въ слѣдующемъ слогѣ.

— харωшαjӑ́ д́ѣлӑ́, старшαjӑ́ (ср. нωвαjӑ́, дωбрαjӑ́, и т. д.).

Слоги неударяемые конечные. Здѣсь различаемъ положеніе въ закрытомъ и въ открытомъ слогѣ:

Въ закрытомъ слогѣ α по общему правилу переходитъ въ ӑ. Думаю, что переходъ этотъ начался въ такихъ словахъ, гдѣ ассоціація съ родственными формами въ склоненіи или спряженіи требовала болѣе полновѣсной гласной: утрαм подъ вліяніемъ с́елом переходило въ утрӑ́м, дωбрαj подъ вліяніемъ прастоj въ дωбрӑ́j, с́олαм дат. мн. подъ вліяніемъ ́летам́—въ с́олӑ́м. Кромѣ того могли дѣйствовать и другія причины: горαт подъ вліяніемъ гαрада переходило въ горӑ́т, холαст подъ вліяніемъ хαластоj въ холӑ́ст. Такой переходъ обобщился и вызвалъ общій законъ о переходѣ звука α въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ ӑ:

д́ѣмӑ́н, горӑ́т, етӑ́т, волӑ́с, полнӑ́ц, холӑ́ст, с́вокӑ́р, затылӑ́к, грохӑ́т, полӑ́н, угӑ́л, наказӑ́н, падj́ѣхӑ́л, са сватӑ́м, разӑ́м, ростӑ́м, утрӑ́м, ветӑ́м, угрωзӑ́j, сыконӑ́j, дωбрӑ́j, царскӑ́j, з́елонӑ́j, д́ѣвӑ́к, варωтӑ́м, Иванӑ́-т и т. д.

Звукъ ӑ по аналогіи переносится и послѣ мягкой согласной на мѣсто *и*, а также послѣ нѣкогда мягкой, позже отвердѣвшей согласной, на мѣсто *ы*: за нашӑ́j д́ерев́нӑ́j, рад́ит́илӑ́м, ли́с́тӑ́ф, брат́jӑ́ф,

с хмелъ́м, са зме́йам, з горъ́м, с свајацынъ́ај, третъ́ајат, з да́дај, ф пе́редньај угъ́л, маньинъ́ај, радитил'ск'ај, тре́т'ај, харшъ́ај, тв. с Машъ́ај, невшлъ́ају. Также на мѣстѣ бѣглой гласной: маньошиньак, дэ́ньак, ле́ньошак, вышъ́л; далѣе въ случаяхъ, какъ зме́йат. Подъ вліяніемъ этого и К'э́йаф при К'э́йиф. Представляется возможнымъ, что такое ă передъ мягкой согласной звучитъ какъ краткое ă; дѣйствительно, я слышалъ произношеніе лошеъ́ (съ ă?) вмѣсто ожидаемаго лошыъ́, другоре́ъ́ (съ ă?) вмѣсто другори́т.

Принимая, что ă въ этихъ и подобныхъ случаяхъ явилось въ результатѣ позднѣйшаго процесса, думаю, что фонетически надо ждать здѣсь *и*, а послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ *ы*. Ср.

— де́сит, ви́тис, заиц, пацуил
— кам'ин, пар'ин, спас'ит'ил, пер'с'тин, студин, на с'мир'т, аставајт'ис, выш'ij, тојис'т, оцыр'ит, пал'иц, пшлдин, брат'иц,
— Пав'ил, мал'е́бин, выв'ил, на би́рик, обмир, помир, умир,
— вы́лис, појист, вылит'ил, ви́дит,
— нужын, должын, старшыј, кушыт, дваццыт.

Особенно держится *и* (*ы*) въ спряженіи, ср. паѣ́диш, не́ буди́ш, буди́т, л'э́зит, стан'ит, падыми́ш, знаиш, скажыш, пишыт и т. д.

Въ открытомъ конечномъ слогѣ редуцированная гласная послѣ твердой согласной звучитъ обычно какъ ă; лишь рѣдко находимъ *α*.

— ншвывă, прастшвă, словă, пивă, из горαдă, два волαсă, так-тă не́лофкă
— Боγу-тα.

Въ положеніи послѣ j, когда въ предпослѣднемъ слогѣ звукъ *ы* или *и*, мы находимъ на мѣстѣ ε звукъ ă; переходъ этотъ можно признать результатомъ диссимиляціоннаго процесса:

русыјă, дъ́вѣ пустыја бутылки́, дшбрыјă лу́ди, ноцы т'омньјă, кан'ија ни́бут, разньјă, друг'ијă, тре́тијă, шшигл'ева́тьјă, л'еса дремуцыјă, катшрыјă, рαсхаршшыјă.

Въ положеніи же послѣ мягкихъ согласныхъ находимъ на мѣстѣ редуцированной гласной обычно *и*, которое переходитъ въ *ы* послѣ отвердѣвшей согласной. Примѣры:

— *и* на мѣстѣ конечнаго *е*: буди́ти, хати́ти, иди́ти, праси́ти, ла́жити, при́ѣди́ти, пуши́ти, пашыри́.

— *и* на мѣстѣ конечнаго *ъ*: не́вѣси́ти, на дарωги́, ф сѣ́ти, на гри́ви, г бани́, на раси́ѣти, ф царси́ви, вмѣси́ти, ф поли́, при́ дали́ни, на свади́би, на дубоцки́, в мори́, ф тωм жа рази́, ад бе́рози́, у старыси́ти.

— *ы* на мѣстѣ конечнаго *е* послѣ отвердѣвшей согласной: дажы, вышы, дашы, бωшы, параншы, ближы.

— *ъ* на мѣстѣ конечнаго *ѣ* послѣ отвердѣвшей согласной: Алёшы, к мѣ́лнѣицы.

Но въ цѣломъ рядѣ случаевъ вмѣсто *и* (*ы*) находимъ послѣ мягкихъ согласныхъ ă. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ă вытѣснило *и* подъ вліяніемъ аналогіи, а именно ассоціаціи со звукомъ *о*, *а* въ ударяемомъ слогѣ; такъ въ им.-вин. находимъ ă подъ вліяніемъ окончанія *о* подъ удареніемъ (моря́, вωла́ подъ вліяніемъ сели, хвала), такъ же въ 3 л. ед. (нωсă подъ вліяніемъ идо); въ частицѣ «же» *е* замѣняется черезъ ă подъ вліяніемъ слабоударяемаго жо (замѣняющагося черезъ жă).

— в моря́, вдвоjă, в услужѣ́нjă, на сjедѣ́нjă, на сабу́дѣ́нjă, адеjа́нjă, на при́зьнjă, бабjа́ вези́нjă, седе́лцă новакованаjă, дѣ́фкă харωшаjă,

— 3 ед. пабивajă, будă, захωчă.

Вытѣсненіе *и* изъ *ѣ* черезъ ă въ подобныхъ случаяхъ повело и къ вытѣсненію исконнаго *и* въ окончаніи 3 л. ед. черезъ ă: прапусти́, при́хωдă, паложă, не хωдă.

— тожă, адны и тѣжă, гдѣжă, тоджă, туджă, тагжă, будjă, штожă, цавωжă

Неясно ă въ разă. Въ сказкахъ находимъ -ся, напр. jевися́, jевилася́.

Отпаденіе редуцированной гласной видимъ, напр., въ случаѣ, какъ: какоj ӊи набуѓ рукамѐслѡ.

Отмѣчу редуцированныя гласныя въ словахъ слабоударяемыхъ (союзахъ, нарѣчіяхъ). Союзъ да является обычно въ формѣ да и ды: Иван ды Маŕjă, цесѓ да хвала, думаѓ ды гадаѓ, да и самѝ вы там быӀи. Вмѣсто jешӈо находимъ иӈӈă: ć ӊедѣӀу иӈӈă, ты мӊѣ иӈӈă будѝш нужын, а мѡжă иӈӈă, ӊи даѣхаӀи аны иӈӈă. Вмѣсто так—так и тык: вѡт тык цаŕ; вмѣсто как—как и кык: а как наступѝт, а как вроć пашӀи, ӈо как етăт баγатыŕ-тă. Вмѣсто хоѓ—хаѓ и хуѓ.

Нефонетическіе процессы, связанные съ редукціей гласныхъ.

Мы видѣли выше нефонетическое вытѣсненіе редуцированныхъ гласныхъ α и ε (откуда *и*) черезъ ă въ конечныхъ слогахъ какъ закрытыхъ, такъ и открытыхъ. Въ закрытыхъ слогахъ сохранялись редуцированныя гласныя α и ε (*и*), только тамъ, гдѣ онѣ не ассоціировались въ окончаніяхъ съ ударяемыми гласными *а* или *о*, при чемъ, какъ мы видѣли, явленіе перехода α въ ă настолько обобщилось, что вызвало въ закрытыхъ слогахъ общій переходъ α въ ă.

Благодаря редукціи гласныхъ, въ соотвѣтствіи съ гласной *е* подъ удареніемъ, въ слогѣ предударномъ являлась гласная *а:* носѝш—нашу, просѝт—прашу; это вызвало замѣну этимологическаго *а* подъ удареніемъ черезъ *о* и ѡ; ср. появленіе плѡтит, падѡрит, свѡӀит, пасодит вмѣсто платит, падаŕит, свалит, пасадит при плачу, пăдаŕу, свалу, пăсажу. Обратно вмѣсто лóвим, лóвит—лáвим, лáвит.

По той же причинѣ гласнымъ *а*, *о* послѣ мягкихъ согласныхъ подъ удареніемъ соотвѣтствуетъ гласная *е* въ предударномъ слогѣ: ӊос при ӊесу, запŕак при зăпŕегу. Обобщеніе чередованія *о*—*е* вело за собой вытѣсненіе ударяемаго *а* черезъ *о*. Такъ явилось запŕок вм. запŕак.

Нѣкоторыя другія явленія въ области гласныхъ.

Измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ согласныхъ разсмотрю ниже.

Объ измѣненіи *е* въ *о* передъ отвердѣвшими шипящими и *р*, за которымъ слѣдуетъ отвердѣвшее *ж*, сказано выше. Тамъ же отмѣчено

спорадическое измѣненіе *ѣ* въ *и*, въ случаяхъ какъ ди́ви́р, ви́ни́к, си́ви́ркă. Непонятно измѣненіе нацоф'ки (ночевки) въ нацыф'ки.

Остановлюсь здѣсь на стяженіи гласныхъ. Встрѣчи гласныхъ вызываются или соединеніемъ конечной гласной предлога съ начальною гласной слѣдующаго слова; при этомъ видимъ стяженіе *ао* въ *а* въ ударяемомъ и неударномъ слогѣ: на́ зи́ри вм. на́ о́зи́ри, за́зи́рăм; на кнѣ вм. на окнѣ; паб'ѣдат; *аи* стягивается въ *ы:* зыгралă пѣс'ну; *аа* въ *ы:* ныбарɯт. Или такія встрѣчи являются въ результатѣ выпаденія неслогового *и* между гласными. При этомъ *аи* стягивается въ *ы:* думым, дѣлыт, заигрывыт, потцывыт, спрашывыт, падумыш, подумыт, зд'ѣлыш, цуствыт (изъ цуствαит, а это изъ цуствуит), адд'ѣлыцыть (отдѣлается), када раз'д'ѣлыт'ис'; впрочемъ, рядомъ находимъ -ăт, -ăм, восходящія, быть можетъ, къ давно стянувшимся -аеть, -аемъ: цавɯкат, паискыват; *ау* стягивается въ *у:* при́вазывут, зафтрыкут, паказывут, штокут, аб'ѣдут, заигрывут, сав'ѣтыву, при́д'ѣлу; въ прилагательныхъ *аа* стягивается въ *а*, *уу* въ *у*, *ое* въ *о:* кро́сна, царску доц, γасударску, ф цорну гра́с', церкаc'кă с'едлɯ, ло́гин'кă рабɯтушкă, парцову, шалкɯву, ф спа́лну, рαсхарɯшу, зара́ бѣлă зан'елас', јиху лɯдыцку, ва быстру ре́ку; вм. *ыи* находимъ *ы* въ астафшы де́ни́ги, бαγатырски дас'и́ѣхи, лѣшы, дɯбры лу́ди; *αε* въ предударномъ слогѣ переходитъ въ *а:* к маму брату, к сваму с'едлу, свавɯ ха́заина, мужу маму.

Неслоговое *и* выпадаетъ въ словахъ кле́мо, кле́мом, накле́млу, накле́мло́нăј. Также въ падом вм. пајдом, выти́т'. Также въ с'ецас. Подъ вліяніемъ *и* слогового въ родственныхъ формахъ *и* неслоговое замѣняется черезъ слоговое *и* въ иицо вмѣсто јејцо подъ вліяніемъ р. мн. јеиц; отсюда дальше ицо.

Согласные звуки.

Въ Лѣкинскомъ говорѣ извѣстны слѣдующія согласныя: *сонорныя:* плавныя *р*, *л* и носовыя *н*, *м*; *шумныя:* *п*, губная *б*, губнозубныя *ф*, *в*, зазубныя *т*, *д*, *с*, *з*, альвеолярныя шипящія *ш*, *ж*, слитныя свистящія

ц (*дз*), слитныя шипящія *ч* (*дж*), средненебныя *ќ*, *ѓ*, *х́*, (j), задненебныя *к*, *г*, *х*. Всѣ эти звуки, кромѣ средненёбныхъ и слитнаго шипящаго *ч*, которыя всегда мягки, и слитнаго свистящаго *ц*, которое всегда твердо, извѣстны не только въ твердомъ видѣ, но также и въ мягкомъ (палатилизованномъ) видѣ. При этомъ, однако, природа *л́* совершенно отлична отъ *л*; звуки *ш* и *ж* вообще только тверды, но въ сочетаніяхъ *ш́ш́*, *ж́ж́*, а въ единичныхъ случаяхъ и при другихъ условіяхъ извѣстны и мягкія *ш*, *ж*.

Замѣчанія объ отдѣльныхъ согласныхъ.

Вмѣсто *н* я слышалъ задненёбное нг въ жы́ре́бонгкӑ, жы́ре́бонгкӑф. Въ Пласкωв́jӑ и уменьш. Плωна́ӑ звукъ *л* замѣнилъ *р* при условіяхъ неясныхъ (вліяніе какой-нибудь аналогіи). Въ мαластыр также нефонетическая замѣна *н* черезъ *л*. Двойное, долгое *н*, напр., въ кωннывӑ, страна́ни́ки, загувонnαjӑ.

Мягкое *б* исчезаетъ въ формахъ *с́еjа*, *т́еjа*, *т́еѣ*; исчезаетъ *б* и въ словѣ баушкӑ.

Мягкія губныя передъ гласными, въ особенности въ женскомъ говорѣ, переходятъ въ сочетаніе губная + іотъ или неслоговое *и*: *м́jана́ӑ* (вянетъ), *м́jажыт*, *п́jат́ирӑ*, *п́jатӑj*, *п́jат́ницӑ*, *м́jатӑ*, *м́jасӑ*, *м́jафкӑj*, *п́jотрӑ* (Пётръ), *п́jат́*, *п́jос*, *т́еб́ja*, *жив́jo*, *с́м́jат́*, *у п́jат́ницкαвӑ*.

Звукъ *ф* въ положеніи передъ гласными встрѣчается только въ заимствованныхъ словахъ; въ своихъ онъ замѣняетъ исконное *в* въ концѣ словъ и передъ глухой согласной, а также *х* въ концѣ слога (см. ниже); является вмѣсто *хв* въ словѣ Фωст.

Шипящія *ш* и *ж*, какъ указано, всегда тверды. Мягкое *ж́* я слышалъ въ единичныхъ случаяхъ, напр. передъ j: *м́ед́в́ѣ́ж́jивӑ* (но вообще *ж* и *ш* тверды передъ j, напр. щjу), также дарωж́ин́ку; также въ жыж́ни вм. жызни. Мягкое *ш* является на мѣстѣ ш́ш́ (исконнаго *шч*): во-первыхъ, въ началѣ слова, въ единичномъ, впрочемъ, случаѣ, именно въ ш́о вмѣсто ш́ш́о, во-вторыхъ, послѣ согласной въ серединѣ слова: jем ш́ик, жѐн ш́ину, патолш́и, въ-третьихъ, въ концѣ слова: дош́, хвωш́, в́ѣш́. Двойныя или долгія ш́, ж́ соотвѣтствуютъ исконнымъ *шч* и

ждж: нешшаśjă, шшипаť, мушшинă, вѣшши, даж́ж́а, пож́ж́и, важ́ж́оjу, уjеж́ж́аjут; кромѣ того шш въ словѣ шшо восходитъ къ *чт*, также шшоп, шшол, пατамушшă; произношеніе што вмѣсто шшо свойственно только лицамъ, усвоившимъ городское нарѣчіе; подражаніемъ имъ объясняется произношеніе jешто вмѣсто jешшо. Двойное ж́ изъ жд въ ж́ж́и (жди), ни дож́ж́уццă.

Слитное свистящее *ц* всегда твердо; оно восходитъ не только къ исконному ц, но также къ ч, которое замѣняетъ систематически въ женскомъ говорѣ: цар, купец, ноц, доцкă, нецкă, к цаму, не плац, дефцонαцкă, прицыну, крицыт, цjи (чіи), старицышшă, Ф пατцынѣнѣjи, вин. дѣвицjу. Въ говорѣ лицъ, подражающихъ произношенію городскому, кромѣ ц извѣстно и ц на мѣстѣ ч; такъ можно услышать по жыцинки (уменьш. отъ жыца), доцинку, г баранцику, жолуц (въ значеніи желчь въ муж. р.). Рядомъ съ шшаśjă, нешшаśja слышится сцаśjă, несцаśjă; ср. сцытаť при шшитаť. Въ тѣт, тѣтот ц замѣнено черезъ т. Звонкое дз находимъ на мѣстѣ ц передъ слѣдующею звонкою шумною при соединеніи двухъ словъ: нодзбыла. Двойное *ц* (изъ *тс*) напр. въ гледиццы, дивиццы, ацца, садаццут, аццудă (и ацудă). Вмѣсто цц въ особенности въ слогѣ, не слѣдующемъ непосредственно за удареніемъ, слышится обычно ц: памωлицыт, умываjуцут, и т. д.

Слитное шипящее *ч* всегда мягко; какъ указано, въ женскомъ говорѣ оно вытѣснено черезъ *ц*, но проникаетъ туда нерѣдко изъ мужского: бачка (вм. батюшка, см. ниже). Нерѣдко слышится двойное *ч* (не замѣненное черезъ двойное *ц*): луччи, апцоччикă (обчетчика). Звонкое дж мягкое на мѣстѣ *ч* передъ слѣдующею звонкой шумной согласной при сочетаніи словъ является, понятно, только въ мужскомъ говорѣ.

Средненёбныя *ґ*, *ќ*, *х́* извѣстны вообще только передъ гласными какъ передняго ряда, такъ и задняго (въ послѣднемъ положеніи они замѣнили задненёбныя *г*, *к*, *х* подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ): нα наґѣ, в ухи, Ф кαбакѣ, хитрω, логинкă рабωтушкă, с валками, гуśку, з гуśком.

Согласная j слышится въ мѣстн. ед.: в Боjи (въ Богѣ). Вообще же согласная j не замѣняетъ, какъ кажется, неслогового *и*; въ словахъ jих,

јѣ́ст, ли́сјӑ слышится не согласная j, а неслоговое *и*. Впрочемъ, въ положеніи послѣ согласныхъ неслоговое *и* приближается къ согласной j и можетъ переходить въ нее; этимъ объясняется исчезновеніе неслогового *и*, нерѣдкое послѣ согласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ: у дѣчка́, ф сабра́ни, ди́кана, брата́ӑ, брати́ф, ли́сти́ф, тре́ти́ӑ, пе́рӑ, плати́цӑ, взал цар ввима́нӑ, пал'ѣна́ми, вашӑ благарода́, сѣкуцӑ (экзекуція), пали́цӑ (полиція).

Задненёбныя *к*, *г*, *х* не сочетаются вообще съ *ы;* въ ударяемыхъ слогахъ совсѣмъ нѣтъ подобныхъ сочетаній; въ неударяемыхъ (заударныхъ) они возникаютъ частью въ результатѣ перехода редуцированнаго *ӑ* въ *ы* (ширѡкывӑ, зеркылӑ), частью въ результатѣ замѣны средненёбныхъ согласныхъ задненёбными, вызванной аналогіей; такой случай въ образованіяхъ на -ива́т, какъ атн'ѣкывали́сѝ (ср. *к* въ атн'ѣкаццӑ), паискыва́т (ср. *к* въ паиска́т), прата́гывали́. Звукъ *х*, какъ мы видѣли, послѣдовательно переходитъ въ *ф* въ концѣ слога: ф пӑстухаф, ф старастӑф, ф сѝратаф, в зад'ѣлкӑф, на скаскӑф, ло́фкӑј, мјафкӑј, вызбӑф, на гараф, на кӑстыла́ф, ло́фкаја (лёгкое), при дѡбрых-ти лу́дӑф, ва фсѣх дверафъ и прахѡдӑф и т. п. Слово куфнӑ едва ли идетъ сюда, въ виду его распространенности въ другихъ нарѣчіяхъ. Особо пана́фитка́, ср. пани́хида́; Хлимакина́ вм. и при Фили́мака́ина́ (назв. деревни). Впрочемъ, въ произношеніи нѣкоторыхъ удерживается *х:* ф кахта́х, ле́хкѡ, тахта́, трахти́р, кехтаму.

Неясно, почему *х* въ пакарани́л, скарани́ла, пакарани́т, пакрани́т измѣнилось въ *к*. Въ каравѡт *к*, повидимому, древнѣе, чѣмъ *х*. Неясно *г* вм. *к* въ варгава́т, варгуит. Обратно *к* вм. *г* въ вӑ клубѡкӑј погри́п.

Звукъ γ находимъ только въ нѣсколькихъ заимствованныхъ изъ книжной рѣчи словахъ: γаснѡ́т, γоспади́, Боγа́, Боγу, γасудар, у γасудара́, Баγдан, блыγдару́, блаγадарна́с, блыγадарствају (однако извѣстно и блыгдара́т), баγатыро́ф, у баγатыва́; также въ буγор, деи́γи. Кажется, γ слышится и въ словѣ γдѣ, но многіе произносятъ съ *г*: гдѣ, также г барану, кагжа́. Произношеніе када, тада, тады ведетъ, вѣроятно, къ кауда, таудыѕ; дѣ вм. гдѣ. Блаславла́јут предполагаетъ блаγаслав.ла́јут.

Измѣненія согласныхъ въ зависимости отъ положенія ихъ въ словѣ.

Какъ мы видѣли, начальное *ш́ш́* переходитъ въ ш́ въ словѣ ш́о.

Въ концѣ слова ш́ш́ измѣняется въ ш́: дош́, вѣш́.

Конечныя звонкія согласныя переходятъ въ концѣ слова въ глухія: дуп, другоре́т, кроф́, земцук, астрок, сем́ рас, з де́роф, ви́тизъ́аф, при́клуцен́јаф, ради́тил́аф, цет́ве́рк, нωф высωк те́ром, ми́сает, Бох помач, вывăт, фсѣх пе́рот уне́сут спат, кнăс́, крук јејо, па́вос, вдрук, скрос́ акна, не нарушыф, ф кѣ́јаф, ле́ф, и т. д. Измѣненіе конечнаго *г* въ *х* неизвѣстно.

Въ концѣ слова (а также въ концѣ слога) *х* переходитъ въ *ф* (см. выше).

Въ началѣ слова вмѣсто *вз* находимъ *з:* дѣ не зал́сă, зашол, зашли́, здумăл, с аднавω змаху.

Въ концѣ слова вмѣсто *бл* находимъ *л́:* руп́, карал́; вм. *тр -т:* пот, бурми́ст (поэтому и бурми́стăм въ твор.).

Сочетаніе *ст* переходитъ въ концѣ слова въ *с:* мос, радαс́; подъ вліяніемъ аналогіи также радαси́н вм. радостенъ.

Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ другихъ согласныхъ.

Глухія шумныя согласныя переходятъ въ звонкія передъ шумными звонкими, кромѣ *в:* зби́лă, з деда́ми, з гле́дѣн́јă, туджă, тагжă, аддајоти, кαг зα ди́том, шызде́сат, при́д женωј.

Обратно, звонкія шумныя переходятъ въ глухія передъ шумными глухими: ф сен́аф, пат пецку, бутти, абрати́фшыс́, фтыкают, зафтрă, фсо, дѣфкă, ффил́ипафки, выпи́фкă, фташпи́ли. Отсюда уменьшительное: вωтыцка.

Звукъ *к* переходитъ въ *х*, передъ *т* и *к:* лехко, кахтах, кехтαму, трахтир, тахтă, хто. Но рядомъ находимъ и к кна́зу, к царе́вни, к калωццу, к кудрăм, к кылдунам.

Вмѣсто *ч* передъ *н* обычно *ш:* вѣшнă, бизрубашнαјă, ниудашнαјă, кашы грешни́вај, сундушни́кăф.

Вмѣсто *м* передъ *н* является *в:* гувнω, на гувнѣ, отсюда и загувонαјă карга.

Въ сочетаніи *хв* звукъ *в*, ассимилируясь предшествующей глухой согласной, переходитъ въ *ф:* хѳѡст, отсюда и ѳѡст. Весьма замѣчательно измѣненіе слова схѡткă, отмѣченное мною въ деревнѣ Ефремовской: схѳоткă; возможно, что это ведетъ непосредственно къ схўоткă (схѡткă), при чемъ хў перешло въ *хф* такъ же, какъ *хв*.

Измѣненіе согласной подъ вліяніемъ несосѣдней согласной слѣд. слога находимъ въ случаяхъ, какъ родъ жыжи́ни вм. жизни, па гроб жыжи́ни, бачушкă, вм. баťушкă, земцу́к вм. жемчугъ, зе́лѣзă вм. желѣзо.

Перестановку плавной въ сосѣдній слогъ находимъ въ словѣ калбук, калбуки вмѣсто клабук, клабуки.

Звукъ *ф* выпалъ передъ *с* и передъ *ш* въ случаяхъ, какъ маскоси́йă, он со́ ни́ вылазит, кушыи́цык.

Звукъ р́ отвердѣваетъ послѣ двухъ согласныхъ: зафтрык, зафтрыкут, скрып.

Сочетаніе *шс́* переходитъ въ *сс́:* падависси.

Условія появленія мягкихъ (палатализованныхъ) согласныхъ.

Въ положеніи не передъ гласными передняго ряда и не передъ тѣми гласными задняго ряда, которыя замѣнили исконныя гласныя передняго ряда (*а* изъ носового *е*), мягкость согласныхъ зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ. Во-первыхъ, отъ вліянія на согласную исчезнувшаго изъ произношенія звука ъ: сём, голуп́, кроф́, астаф́, силнăj, болнă, сём-дисăт, в зём. Въ противоположность московскому нарѣчію звуки *р* и *н* не отвердѣли передъ слѣдующимъ *и*, нѣкогда мягкимъ: кă ве́нцу, ви́нца, ве́нцаńju, ф канце, Канцовă (р. п. отъ прозв.), канца, плате́нцă, кѡнцылси; ср. также се́рцă, старшых, са старцăм, старшăj. Но *н* въ денжонăк отвердѣло передъ *ж* (рядомъ и деńжонăк). Такъ же мягко *с* въ суффиксѣ—*ск:* церкаскă седлѡ; поэтому и зёмскăму, кѡнскăj, дире́вeńскăj, царскăj, пе́черскăj. Въ писмѡ *с* отвердѣло. Конечное *т* въ 3 л. ед. и мн. отвердѣло; оно мягко въ реченіи Бознăť шшо, Бознăť с цавѡ, также мѡжыť: ja бы мѡжыť направилăс; кромѣ того оно мягко въ 3 ед. возвратнаго глагола: он прѡсиццыť, падверницыť, балуиццыť, здарѡвыццыť, адеваиццыť, нацынаицыť;

между тѣмъ въ соотвѣтствующей формѣ 3 л. мн. *т* твердо: аи́ прωе́ицут, баяуицут, адеважицут. Конечное *с́* въ формахъ возвратныхъ глаголовъ осталось мягкимъ: заваи́лăс́ и́ерω, баjус́, и́ги гаи́ис́, татωфти́с́, наи́убили́с́, кре́сти́с́, стαнави́с́, катали́с́, утри́с́, слущыιαс́. Вмѣсто т́еи́ер́ слышится и т́еи́ер.

Во-вторыхъ, видимъ мягкое *р* въ сочетаніи *ер* передъ губными, губнозубными твердыми и задненёбными; мягкость его восходитъ къ общерусской эпохѣ и ведетъ къ общеславянской полумягкости: и́ерва́j, ц́ерка́ф́, е́ерх, цетве́рк. Впрочемъ, весьма обычно и произношеніе съ твердымъ *р:* ноц и́перву, з́еркыла́.

Въ-третьихъ, зубныя шумныя и носовое *и*, а также *р* мягки передъ всѣми вообще мягкими согласными: горс́т́, бурми́сты, выз́бъ́, замер́з́ни, замер́з́ли, скарми́л, гωрн́ицу, ми́дв́ежонак, отп́ир, ат́пираj, дв́ер́и, жен́ш́ину, пар́н́ă, цр́ес́ ни́дел́у. Едва ли однако мягки согласныя передъ *р:* тр́и, кудр́и. Отмѣчу цэр́ис́ тр́и двара. Конечныя согласныя предлоговъ над, под, роз, из, от часто остаются несмягченными.

Въ-четвертыхъ, въ противоположность московскому наръчію, губныя мягки не только передъ мягкими средненёбными (ш́ш́т́н́ки, лаф́ки, рын́ки, дв́ъ́ зын́ки, дъ́ф́ки, кр́ъ́ни́ja, однако, почему-то н́ъ́мки, рядомъ также д́ъ́ф́ки), но также передъ мягкими зубными: з́ем́лу, д́ерев́н́а, в́ дер́ев́н́и, к царев́н́и. Впрочемъ, я слышалъ и твердыя губныя въ этомъ послѣднемъ положеніи.

Въ-пятыхъ, въ иностранномъ словѣ р́ен́дă (аренда).

Въ-шестыхъ, мягки *г, к, х* передъ *а, о, у* въ положеніи за мягкими согласными и j, причемъ мягкость средненёбныхъ вызвана вліяніемъ предшествующаго звука на задненёбныя согласныя: гус́ка, гус́ку, з гус́ком, с вал́ка́ми, Сан́ка́, Сан́ку, тол́ка́, трωjка́. доцин́ку, ни́устωjка́, ни́таскujка́, падружун́ка́, гор́ка́, тон́ин́ка́j пруτик, в рад́итил́сќăj дом, ат Арлωс́ќăj, тушни́н́ка́j, Арлωс́ка́ схωтка́, пат́ихон́ку, харашен́ка́, лихад́ejка́, прин́имajка́, адин́ошын́ка́, ман́ин́ка́j—ден́гу—на т́ъх вал́ках.

Еще о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ области согласныхъ.

Сочетаніе *нр* переходитъ въ *ндр:* пандравицца.

Звукъ *к* выпалъ въ кр́инул. Въ ѳстри́пехнулаśа́ видимъ вставку *х*, вызванную вліяніемъ аналогіи (ср. поперхнулась, всколыхнулась).

Второе полногласіе находимъ въ им. ед. жолуц (желчь), род. жолцӑ.

Въ рѡшшӑ аграматнаjӑ *т* замѣнило *д* подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи.

Сочетаніе *ś́т́* переходитъ въ *ś:* ниш́ш́аśjӑ; сочетаніе *ś́мн* переходитъ въ *ś́м:* аśмацаť.

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ.

Гласныя передняго ряда по общему правилу смягчаютъ предшествующія имъ согласныя, кромѣ однако постоянно твердыхъ *ц, ш, ж.*

Замѣчательно, что *е* въ произношеніи многихъ лицъ вызываетъ не мягкость, а только полумягкость согласныхъ: на н́евѡ, к н́ему, н́евыбралӑ, аť́ец, п́ев́ец, дең́жонак. Въ произношеніи нѣкоторыхъ женщинъ я замѣтилъ даже совершенное отсутствіе мягкости согласной передъ *е:* тепер, рaзберу, вецырӑ, атец, дварец, небылӑ, нелофкӑ, ден́ик.

Какъ мы видѣли, согласныя твердыя въ соединеніи съ гласными передняго ряда извѣстны вообще только въ сочетаніяхъ конечной въ словѣ (предлогѣ) согласной съ гласными *и* или *е* слѣдующаго слова: он и сам, к етаму, хотя обычно *и* переходитъ въ такомъ положеніи въ *ы:* он ы паѣхӑл. Послѣ *ж, ш, ц* звукъ *и* вслѣдствіе отвердѣнія этихъ согласныхъ переходитъ въ *ы:* жыр, шыл, цыстӑ; вмѣсто ы слышится обычно звукъ средній между ы и и, когда за нимъ слѣдуетъ мягкая согласная.

Оказываютъ ли вліяніе на произношеніе предшествующихъ согласныхъ гласныя задняго ряда и какія именно, осталось для меня неяснымъ; съ большею или меньшею увѣренностью утверждаю, что звуки *у* и ѡ лабіализуютъ предшествующія согласныя; *о* и также ô по моимъ наблюденіямъ имѣютъ передъ собой согласныя нелабіализованныя. Изъ такихъ явленій, какъ сaндуḱи, вм. сундуḱи, правajу вм. правуjу, можно заключить, что неударяемое *у* не лабіализуетъ предшествующей согласной.

Передъ *ы* согласныя всегда тверды.

Губныя въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ могутъ измѣнять редуцированный звукъ *ɑ* въ *у*: супаґи, вм. сɑпаґи.

Звукъ *л* въ положеніи послѣ *о* въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ повліять на измѣненіе слѣдующихъ за нимъ звуковъ *ы* и *ɑ* въ *у*: молу́т, прамолулси вм. молы́т, прамолылси изъ молѣ́т, промолѣ́лси; жолуц вм. жолоч (изъ жолч со вторымъ полногласіемъ). Неясно происхожденіе *у* въ падружуня́ка, но вѣроятно, что оно стоитъ въ связи съ отвердѣніемъ *ж* и его лабіализаціею послѣ *у*.

Между двумя мягкими согласными звукъ *е* переходитъ въ ê, а звукъ *а* въ ä: дʼếнь, пäт́. Звуки *о* и *у* въ такомъ же положеніи переходятъ въ ȯ и ў, т. е. звуки средніе между *о* и *е*, *у* и ӱ.

Удареніе.

Укажу здѣсь нѣкоторыя отступленія отъ обычнаго мѣста ударенія, отмѣтивъ теперь же, что всѣ они зависятъ отъ тѣхъ или иныхъ морфологическихъ и лексикологическихъ причинъ (вліянія аналогіи). Располагаю эти отступленія по морфологическимъ категоріямъ.

Существительныя. Вин. ед. шута́, дат. шуту́ и т. д.; ни уса́ нѣ́т; род. судара́, дат. судару́; въ сказкѣ: Мо́скву ца́рску; пра т́а слыху́ нѣ́ту (рядомъ: нѣ́т ни слы́ху, нѣ́т ни ды́ху); им. мн. кани́; на ре́ку; до́ мɑзгу. Дево́цка, дʼевоцки́.

Прилагательныя. Талсто́й, ме́лко́й; мило́й (въ пѣснѣ); нɑ бе́лы́ руки́, пɑ белу́ сви́ту (въ пѣснѣ).

Мѣстоименія. Сама́ нɑт сабо́й.

Глаголы. Бле́ю́т, но и бле́ила́. При вы́ид́ит также вы́ѣд́ит. Наст. вр. 1 л. ед. лу́блу, не прꙋ́су и т. д. (см. ниже, въ спряженіи). Причастія: о́тпусти́л, пу́сти́л, пусти́ла́, мы бы т́а пусти́ли; слуцылꙋ́с; пɑслала́ и пасла́ла́; взе́лси, аткул́ не́ взи́лсɑ, абна́л; разда́лси, сабра́лси, назва́л; фи́лси; ради́ла́, ради́ли, ради́ла́с, паро́ди́ли; пало́жыла́. Т́е́ра́т́, пат́е́ри́ла́ вм. терять, потеряла.

Склоненіе.

Въ склоненіи словъ муж. рода находимъ окончаніе *-у* въ род. ед. въ тѣхъ же словахъ, что въ московскомъ нарѣчіи: ат етыва звону, ат вѣтру, мима́ саду, биз дакладу, биз дапрꙋсу, ни да пиру, са фсе́вш

сѣ́ѣту, са сви́сту мавѡ, с пе́рвывѣ удару, би́с пара́тку, из роту, посли́ бѡју, до́ мазгу; родительный вещества: шыстери́ку, палубни́ку сотни́у. Рядомъ находимъ с те́римѣ и с высѡкавѣ те́риму. Нерѣдко *-у* въ уменьшительныхъ: из раки́тавѣ кустоцку, край јѣ́лни́цку край бере́зни́цку, изу ли́сику ли́су то́мнывѣ, изу са́дику саду зе́лонывѣ. Подъ удареніемъ: с часу́ на час, канцу ни́ѣт, ат е́нцу, пра та слыху́ ни́ѣту (ср. ни́ѣт ни слыху, ни́ѣт ни дыху).

Мѣстн. ед. на *у* при тѣхъ же условіяхъ, что въ моск. нарѣчіи; Ф сталбу́ предполагаетъ накоренное удареніе въ прочихъ падежахъ ед. числа, ср. дѣйствительно: к ета́му сто́лбу.

Отмѣчу *-и* подъ удареніемъ вмѣсто *-ъ:* на Ивани́ дурацки́.

Имен. мн. на *-а* является кромѣ случаевъ, обычныхъ и моск. нарѣчію, также и въ сталба́ (ср. только что сказанное объ удареніи этого слова), граба́, маста́ (ср. въ тв. ед. мо́стѣм).

Кромѣ *-а* въ случаяхъ какъ кре́сјанѣ является *-ы:* хре́сјаны, пајежжа́ны. Отъ кочит им. мн. съ собирательнымъ суффиксомъ и неяснымъ (по происхожденію) *д* вм. *т*: капада́ја. Отмѣчу им. мн. дактары́. Вмѣсто ко́ни—кани́.

Во множ. находимъ сохраненнымъ суффиксъ *-ин:* род. мн. басурмани́нѣф, злых татари́нѣф.

Въ род. мн. отъ сын—сыни́о́ф, указывающее на им. мн. сыни́а́. Отъ сасѣт—сасѣдѣф. Вмѣсто *-ей* находимъ *-ов* въ род. мн., какъ: багатыро́ф, ви́тизѣ́ф, ради́тили́ѣф.

Неясно братка́ въ им. и зв. мн. вмѣсто братцы.

Слово олень является въ формѣ али́ен, род. али́ена́ въ (сказкѣ). Вмѣсто поросёнокъ, при множ. праса́та́, является прасук.

Въ склоненіи словъ средняго рода отмѣчу род. на *-у:* с нацалу (нарѣчное выраженіе). Множ. отъ пле́цо—плеца́. Слова сѣ́мѣ, име́ѣ склоняются: сѣ́мѣм, па и́му и па оцыству и т. д. Вмѣсто дитя или ди́то является ди́тјо и ди́тја.

Неударяемое *-ѣ* въ окончаніи им.-вин. мн. систематически уступаетъ мѣсто окончанію *-ы:* окны, варѡты, пузы, сѣдлы, бестыжаи ли́цы, јајцы (род. мн. јеи́ц при им. ед. ицо́); подъ удареніемъ: правы́. Въ род. мн.: прикли́ученјѣ́ф.

Нѣкоторыя слова ср. рода перешли въ женскій: ли́бе́де́j стаду, в маjу стаду каи́овуjу; твор. цернилаjу.

Въ склоненіи словъ женск. рода вмѣсто окончанія *-ы* является въ род. *-ъ* и *-и:* у ли́сѣ кумѣ́, с правăj наґѣ, у баби, у краснăj шѣ́лми́, крај бѣ́лăj бе́рози, у старасти.

Въ род. мн. отъ труба—трубωФ.

Им. мн. отъ зе́лин—зи́ле́на, но отъ jаблан—jа́блани. Вмѣсто пустош обычна форма пусташа́, вин. пусташу. Вмѣсто церкăФ обычно церкваă, вин. цркву.

Въ мѣстн. ед. в пαмеґѣ, нα грудѣ́. Напротивъ нα зари вм. нα зарѣ́.

Въ пѣсняхъ сохраняется старая форма руцѣ мѣстн. ед.: на правωj руцѣ; вм. дв. является въ формѣ ручи: платком ручи заѵезалă. Отсюда новообразованіе, ср. въ пѣснѣ за правαjу руцу́.

Слово судья имѣетъ при себѣ опредѣленіе въ женск. родѣ: суди́ја праѵи́дна, дат. суди́је праѵи́днăj. Слово да́дă какъ приложеніе или совсѣмъ не склоняется, или принимаетъ форму да́ди: з да́дă Павлăм, прωсут да́дă Раманă, з да́ди Павлăм.

Отмѣчу нарѣчное выраженіе Фсу зима́.

Въ склоненіи мѣстоименій: у мна, у та, теја, у те, у теја, с тејé, прα сеја, ја те камнăм заваλу, ја те λубλу. Им. мн. аны́, jены́, ани́. Вин. jиjо, jejo, jo (напр. паѵол jo). Указательныя: в ефтăj jами́, ентăт, ѐнти. Им. мн. адны и тѣжă. Вмѣсто всéj въ род., дат. и мѣстн. ср. р. обычно Фсωj подъ вліяніемъ тωj: са Фсωj радньωj, выпи́т па Фсωj. Притяжательныя: мимă jихаѵă дварца, jиху лωдыцку. Вмѣсто чи—цjи. Вмѣсто кои находимъ ка́и, вм. коей—ка́jиj, напр. вызбѣ Ф ка́jиj мы живо́м.

Въ числительныхъ: абωих и абѣих, кроми абωих кросных, у абѣх. Въ твор.: з дѵенаццатыми́ баγатыра́ми; мѣстн. кабылицу ан семидисит семи жыребонкăФ.

Въ склоненіи прилагательныхъ весьма обычны стяженныя формы: иху лωдыцку, царску доц, и мнѣ будит слуга нѣрна, рωдна матушкă, Ф цужы луди, весолы денки, как тады мы малинки были, баγатырски дасиѣхи, лѣшы, дωбры луди, зара бѣлă заѵелас,

гостѝи лубѝшшѝи и т. д. Отмѣчу рядомъ: дубѡвыйѣ, прѝѣжжѝйѣ, рваныйѣ вашы лапѝишкѝи, жыныхѝи харѡшыйѣ.

Въ пѣсняхъ находимъ прилагательныя въ полной формѣ: прочиих лудѐй, на тѡм полѝи на тѡм цыстыйѣм, на церкаскийѣм сѐдлѣ, вѧ шырѡкаим, са красным хрусталѝнѧим.

Въ именной формѣ прилагательныя только въ пѣсняхъ и сказкахъ: на ворѧни нѧ каѝнѣ, залѡт пѐрстиѝн.

Прозвище Драѝницын имѣетъ въ дат. Драѝницынаму, род. Драѝницынѧвѣ.

Въ сказкѣ вмѣсто дамѡj: ступај дамѡjу.

Спряженіе.

3 л. ед. числа отъ глаголовъ съ примѣтой *е* по общему правилу не имѣетъ окончанія *-т:* пайдѐ, прѧпадѐ, ѝни дајо, ѐдѐ, идѐ, нѐсо, ѣдѣ, хтожѣ етѣ будѣ, дѧкацѝно, кѡлѣ, не мѡжѣ, абѝнимѣ, красѝнѣјѣ, ѝне знајѣ, сламајѣ, гулајѣ, играјѣ, прѝѣжжајѣ, пѧсылајѣ, вызывајѣ и т. д. Гораздо рѣже является *-ит:* плацыт и рыдајѣ, пѧсылаит, ѝни пущаит, разѐршаит, свишшѝит, апушшѝаит, атвѐцаит. Окончаніе *-а* замѣнило также окончаніе *-и* въ глаголахъ съ примѣтой *-и:* он не слазѣ, ѝни вылазѣ, он прѝхѡдѣ, ѝни прапусѝтѣ, ѝне лубѣ, ѝнаѐидѣ, он хѡдѣ, патхѡдѣ. Рядомъ ѝни вылазѝит. Гораздо рѣже въ 3 л. мн.: па плѐцам лежа, ровнѣ жар гарѧ.

Обычна замѣна *-ат* (*ать*) въ 3 л. мн. черезъ *-ут* въ положеніи не подъ удареніемъ: увидѝут, абидѝут, ставѝут, астаѐѝут, тшѝут, ухѡдѝут, выхѡдѝут, пѧваршѝтут, вылазѝут, прѝвшозѝут, паднѡсѝут, варѝут, служут, палуцут, ташшѝут.

Оригинальны новообразованія въ спряженіи глаголовъ возвратныхъ. Здѣсь въ инфинитивѣ, а также въ 3 л. ед. и мн. за окончаніемъ *-ся*, *-си*, слившимся съ предшествующимъ *т* въ *-ца*, *-цы*, приставляются характеристичныя для этихъ формъ окончанія: въ инфинитивѣ *т́*, въ 3 л. ед. *т́* (несмотря на то, что обычнымъ окончаніемъ является *т*), въ 3 л. мн. *т*, а передъ этимъ *т* вмѣсто *ы* звукъ *у*, характеристичный для 3 л. мн. Примѣры:

Инфинитивъ: сад́иццыт́, нап́иццыт́, пакатаццыт́, катаццыт́, давај лад́иццыт́, таргаваццыт́, крест́иццыт́, сватыццыт́, гроп стал апуш́шацыт́ в зем́лу, вид́иццыт́ ни хацу, прωс́ут распла-т́иццыт́.

3 л. ед.: кажыццыт́, ни баиццыт́, л́ес загар́иццыт́, ет̆а у нас называиццыт́, но jeс́ли каму ана ни л́убиццыт́, врущаицыт́, ни палагаицыт́, када жен́иццыт́, изба напал́ивыцыт́, дастајоцыт́, ет̆а ни сцытаицыт́, астанавл́ивыцыт́.

3 л. мн.: клан́ицут, вал́ивыцут, мωл́ицут, клан́ицут, расажывыцут д́ɛ̆фки, астајуццут, сад́ацут, цалуицут, саб́ираицут, рвуцут, в́јуцут, бајацут, с́екуцут, угаш́шаицут р́ебаты.

Рядомъ, рѣже въ женскомъ говорѣ, но часто въ мужскомъ, а также въ сказкахъ, пѣсняхъ слышатся старыя формы, какъ то:

Инфинитивъ: давај лад́иццы, акунаццы, пабарωццы, цалаваццы, д́елиццы.—3 л. ед. ни баиццы.—3 л. мн. мωл́уццы, жен́юццы.

Обычнымъ окончаніемъ возвратныхъ глаголовъ является *-ци*, а не *-ся* (за неслоговымъ звукомъ): ни ламајс́и, сабрал́си, взелс́и, рад́ил́си, раздал́си, баис́с́и, сад́ис́с́и, атправл́аис́с́и, паказал́си, нан́ел́с́и, сжал́ил́си, jев́ил́си (за гласными—с́: астајус́, бајус́). Окончаніе *ся* вообще только въ пѣсенномъ языкѣ: салуцылас̆а, мы варацал́ис̆а.

Въ глаголахъ на *-ать*, *-аjу* видимъ стяженныя окончанія: 3 л. ед. д́ɛ̆лыт, зав́азывыт, также спрашыв̆ат; 3 л. мн.: н́е шмыгут, пр́ив́азывут, апутывут с́ɛ̆т́ju, аб́ɛ̆дут, спрашывут, зафтрыкут, с́в́азывут, выправажывут. Ср. еще стяженную форму выму вм. вымою.

Глаголы на *-ова́т* въ наст. вр. допускаютъ два образованія, какъ н́janствыт и н́janстуит, цуствыш и цустуиш, куда сл̆ɛ̆дывыт и сл̆ɛ̆дуит, сав̆ɛ̆тывут.

Въ настоящемъ времени глаголовъ на *-ит́*, благодаря чередованію ударенія въ формахъ 1 л. ед., съ одной стороны, остальныхъ лицъ, съ другой, видимъ замѣну коренной гласной *а* черезъ ω, *о* въ случаяхъ, какъ свωр́иш при свар́иш и в́ар́ут, навωл́иш при навал́ит́, плω-

ѓиш, пасодиш, пасоду́т (причина, почему въ однихъ случаяхъ ѡ, въ другихъ о, неясна). Обратно *а* вм. *о* въ лаву́т вм. лѡву́т подъ вліяніемъ лавлу́.

Форма 1-го л. ед. ч. наст. вр. во многихъ глаголахъ подверглась вліянію формъ другихъ лицъ ед. и мн. ч., частью въ отношеніи къ ударенію: лу́блу, ку́плу, пау́цу, ја не хѡчу, хахѡчу, дапи́шу, пи́шу, нали́жус, сва́жу, глѡжу, раска́жу, ја вас адма́ну, частью въ отношеніи къ согласной предшествующей оканчанію *у:* не прѡсу, сну. Вмѣсто памѡжыт находимъ памаѓот. Форма дажду́ццъ́ заимствуетъ свое *д* изъ 2 и 3 л. ед. и мн. числа; относительно ару́т отъ арать (кричать) неясно, старше она или моложе обычной великорусской формы арут; памаѓот, жѓот заимствуютъ свое *ѓ* вм. *ж* изъ 1 л. ед. и 3 л. мн.

Отмѣчу формы инфинитива: рѡсть, весть, спасть. Далѣе: итить, выѓить, сајѓить.

Формы повел. наклоненія: слась, вылась; выѓ; атваш.

Формы дѣепричастія: крадыце (крадучись), ни пимшы́ и не ѣмшы, ни дајдомшы.

Прич. прош. астафшыи дењги (т. е. оставшіяся).

Прич. страд. отъ глаголовъ на *-ать* обычно съ окончаніемъ *-т*, *-тъ̆ј*, а не *-н*, *-нъ̆ј:* замарата́ј, пракапата́ глубакѡ, забратај, адда́та и аддата́, на падастла́таju халсти́ну, ни вењчатыја́, натаскатъ́ мнѡга, нъ̆мататъ́ј (ср. рядомъ не мотанъ́ј), абадратавъ́, нохти́ были панарваты. Напротивъ, глаза выкалапы. Ср. формы смалѡтъ́ј, глаза јим пакалѡтыја́, у ме́ня мнѡга муки́ намалѡтъ́, закалѡтъ́ј прасук, искалѡтъ́ј сахъ́р, размалѡтъ́ј, ана (рожь) смалѡ̃таја́. Отъ наварить: мнѡгъ́ пивъ́ наваро́нъ́.

Въ спряженіи отдѣльныхъ глаголовъ отмѣчу: сыми́, сыми́ти; вм. занимаются зајмајуццъ́; вм. вынимать—вына́ть, вынајъ́, вынаит. Вмѣсто беречь новообразованіе бире́жыт, бире́жылис. Вмѣсто сыплетъ, сыплютъ — сыпит, сыпут. Вмѣсто покупать — куплять. Вмѣсто пропѣть, пѣть—прапѣи́ть, пѣи́ть, прапѣили. Любопытно: сме́лси, ана́ сме́лась, мы сме́лис, пасме́лис вмѣсто смѣялся, посмѣялся; рядомъ и эти формы. Вмѣсто вязать другое образованіе ве́сти́ (вязти,

напр. сѣть): вез́от, в́езут, прош. вяс. Вмѣсто убѣжать обычно уб́ѣц. Вмѣсто оживлять—ажыва́т (въ сказкѣ): н́и ажывај м́еӈа а́пет.

Замѣчательно новообразованіе в́идлӑ вмѣсто видѣла: мнωгӑ в́идлӑ ја на с́в́ѣт́и фс́евω харωшавӑ.

Въ отношеніи видовъ отмѣчу совершенный видъ глагола исполняться. Ну, кагжӑ тваи д́ела? Испалн́а́л́ис́ л́и?—Ну, фс́о етӑ јему јев́ил́ӑс́, фс́о испалн́а́л́ӑся.

Отмѣчу слѣдующіе случаи согласованія существительныхъ съ числительными: д́в́ѣ свашын́ки мαлады, тр́и кар́етушки зαлаты; об́и страны́; а д́в́енаццыт́и галωф; тут прашл́и двоjӑ молαццӑ.

Употребленіе постпозитивнаго -т рѣдко: ваткн́и мн́ѣ, гыт, тапω-р́ӑт; а как п́ервајӑт карај́ уплыл; тр́еτ́αјӑт карај́.

Dativus ethicus ти находимъ въ такихъ случаяхъ: пака сам́и т́и пαздарωвву, пр́и дωбрых т́и л́уд́аф, пр́и т́омнӑј т́и ноцы. Также т́ вм. т́и: а ты луцыт́ давај гвар́ит́ аб д́ѣл́и.

А. Шахматовъ.

Іюнь 1913 г.

4888

9. рус. А.
Ш-31

Цѣна 5 коп.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **И. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санкт-Петербургѣ и Кіевѣ; **И. Киммеля** въ Ригѣ; **Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ; **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ.